

современный любовный роман

ЕЛЕНА ФИЛОН

#Любить

не можно

18+

Елена Филон

Любить не модно

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Филон Е.

Любить не модно / Е. Филон — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Из-за банкротства семья Кристины переезжает в провинциальный городок в глуши России. После Лос-Анджелеса оказаться на пороге хрущёвки - так себе перспектива. И это лишь начало неприятностей! Девушка и представить не могла, насколько стойкой придётся быть, когда на горизонте появится он. Митя – простой парень-музыкант. Все души в нём не чают, и лишь одна Кристина считает его самовлюблённым идиотом! И Митя не против быть идиотом! Лишь бы не стать нянькой для девицы, которая одним своим появлением перевернула его жизнь вверх дном! Но настолько ли Кристина эгоистична, как кажется? И настолько ли порядочен Митя, как все о нём думают?

© Филон Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

– Почему ты всё ещё в постели? Кристина? Кристина?! Крис...

– Она временно недоступна.

– Давай, вставай! – Мама сегодня больше обычного не в духе. Какая неожиданность.

– Кристина!

– Я тебя слышу, – лениво сверля взглядом уродливый потолок с пожелтевшей побелкой.

Один. Два. Три.

– Кристина!!!

– Всего три секунды? – усмехаюсь. – Не с той ноги встала?.. Хотя... о чем это я? Разве в этой халупе можно проснуться в хорошем настроении?

И вот она замолкает. Тут она всегда замолкает. Не потому, что возмущена поведением дочери, а потому что на все сто согласна со мной – вот уже две недели мы живём в самой, что не на есть двухкомнатной халупе с совмещённым санузлом и крохотной кухней, на которой даже телевизора нет, зато есть очаровательные занавески в рисунок божьих коровок! А ещё здесь на полу линолеум. *Ли-но-ле-ум!* Я даже понятия не имела, что он существует!

– Половина восьмого утра. – Со страдальческим вздохом, мама присаживается на край кровати, и я замечаю тёмные круги под её распухшими глазами; опять полночи проплакала, скорбя по утраченной беззаботной жизни. – Вставай, Крис. Опоздаешь в школу.

Школа.

С головой ухажу под одеяло и жалобно хнычу, будто это способно вразумить мою сумасшедшую мать, отправляющую свою бесценную дочь на каторгу! Не-е-ет, единственное, что всё ещё способно привести мою мать в чувства, это хороший шопинг. Но, увы, в этом Богом забытом городишке нет ни одного приличного магазина – как я уже успела убедиться, – впрочем... даже если бы они и были, тратить наши последние деньги на сумочку от «Lana Marks» было бы верхом безрассудства. Так что моей матери уже ничем не помочь.

– Завтрак на столе. У тебя пять минут. Ну, или десять. – Новый безутешный вздох, и вот мама уже шуршит тапочками к двери.

Выползаю из-под одеяла, недоверчиво глядя ей в спину:

– Ты приготовила завтрак?

– Разогрела вчерашнюю пиццу.

– Она с беконом, – приподнимаюсь на локтях. – Я не ем бекон, ты же знаешь!

– Я... это... почистила её от бекона.

– И на что она теперь похожа?

– Ты её есть собираешься, или смотреть на неё?.. Жду на кухне. И надень что-нибудь поприличнее. Первый день в новой школе... Ты должна произвести хорошее впечатление. – И дверью хлопает. Или дверь сама хлопает? Не знаю, в этой квартире все двери из прошлого века: тяжёлые и дико скрипучие. Бесят, одним словом.

Как и шкаф этот бесит. Зачем вообще производят такие маленькие шкафы? Сюда и малая часть моей одежды не влезла! Про обувь я вообще молчу.

Скольку страдальческим взглядом по остальной мебели в моей так называемой спальней и решаю, что сегодня же потрачу часть своих денег на новые шторы, ибо на эту тряпочку цвета детской неожиданности без отвращения смотреть невозможно. И так тошно, а тут ещё... эти... Фу.

Как и пицца – Фу. Как и жизнь моя – одно большое Фу. В этой квартире даже интернет провести проблема! А жизнь без безлимитного интернета – что? Точно – полное Фу!

– Ты не переборщила с макияжем? – не с упрёком, а скорее со знанием дела интересуется мама, наблюдая, как я примеряю шерстяное пальто цвета хаки с меховой опушкой, кру-

чусь перед зеркалом, сбрасываю его и вновь направляюсь к коробкам с вещами, содержимому которых всё ещё не нашлось места в нашем «новом доме».

– Кристин, может, стоило надеть сапоги из старой коллекции?

– У меня уже вся обувь из старых коллекций, мам.

– Я имею в виду... – цокает. – Я имею в виду, что с этими сапогами стоило надеть колготки на тон темнее.

– Ма-а-ам. Иди, займись собой, а? Маску для лица сделай, или ещё чего... И реветь прекрати уже! – Застёгиваю молнию на кожаной куртке, которую когда-то приобретала не для того, чтобы носить, а скорее как сувенир из новой коллекции «Giorgio Armani», забрасываю на плечо сумочку, в которую влезли лишь кошелёк, пудреница, помада, телефон, шариковая ручка и скрученная в трубочку тетрадь в клеточку, отправляю маме воздушный поцелуй и со скрипом входной двери покидаю обитель линолеума и жёлтой побелки.

***

Осень, я всё ещё привыкаю к тебе.

Как и к дождям, к опавшей листве под ногами, к грязному небу и отсутствию жары, к тёплой одежде, к меху в ботинках, к перчаткам, к отсутствию океана и солоноватому запаху в воздухе... к вечно поганому настроению тоже всё ещё привыкаю. А к отсутствию безлимитной карточки привыкнуть, пожалуй, сложнее всего, но я пытаюсь, и маме определённо стоит у меня поучиться – у неё всё ещё страшная ломка.

А дело всё в том, что три месяца назад мой отец пропал. Пропал – именно так я предпочитаю думать о его поступке. И всякий раз, когда не особо умные лицемерные подружки моей матери абсолютно ненавязчиво интересуются, что же произошло на самом деле и где находится мой папа сейчас, я, с глубоким чувством в голосе и блестящими от слёз глазами, поведываю им о том, что моего отца похитили! И возможно, к этому причастны никто иные, как инопланетяне! Жестокие зелёные человечки утащили бедного папочку на свой космический корабль и скорее всего уже успели вскрыть ему череп, высосать мозг через трубочку и запить бутылочкой «Пепси».

Некоторые из маминых подружек настолько тупы, что действительно верят в эту несусветную чушь. Всхлипывают, высмаркиваются в платочки и лезут ко мне с сочувствующими объятиями.

На самом деле теория о зелёных человечках, похитивших разорившегося олигарха, меня вполне устраивает. И будет устраивать всегда, лишь бы на мне не висело клеймо с жирно выведенными буквами «дочь самого большого труса в мире»!

Он сбежал. Именно, сбежал! Мой папочка – трус, который сперва годами бегал от партнёров по бизнесу, которым задолжал неприличные суммы денег, затем от государственных структур, которых пытался «надуть», позже от коллекторов и судебных исполнителей, ну и, в конце концов, сбежать пришлось от собственной семьи. Скорее всего, где-нибудь на Майорке припрятал пару миллиончиков и сейчас, как ни в чём не бывало, отмаливает грешки в джакузи, попивая «Дом Периньон».

– Эй! Глаза разуй! Куда прёшь?! – какая-то тётка задевает меня плечом на тротуаре, где полно места, чтобы избежать столкновения, и ещё виноватой меня делает! – Дура набитая! – кричит вдогонку, пока я смотрю на её отдаляющуюся фигуру с приоткрытым от абсурда ртом.

– Класс! – киваю самой себе и продолжаю путь в школу.

Школа. Уже ненавижу это слово. «И за это тебе тоже спасибо, *папочка*.»

Почему благодаря его безответственности и шарика для пинг-понга вместо мозга я должна получать своё среднее образование не в одном из колледжей Лос-Анджелеса, или даже не в одной из элитных школ Москвы, а в старой, занюханной советской постройке, именуемой учебным заведением, где-то в глуши «Мухосранска»? Нет, а как ещё этот город назвать?

Как же я скучаю по побережью океана, по звёздным тусовкам, по небоскрёбам...

Мой папочка жил и работал на две страны, мама всегда таскалась за ним, а за собой таскала меня; постоянные перелёты... туда-сюда... Раньше меня это раздражало, а сейчас понимаю, что даже по этому я скучаю.

И вот у меня ничего не осталось.

Зато появилась халупа, скрипучие двери и линолеум!

Чёрт. Кажется, мигрень начинается.

И кофе смерть как хочется.

– Простите, – обращаюсь к дворнику, очищающему тротуар от палой листвы, – не подскажете, где здесь Старбакс?

И чего это он на меня так смотрит? Будто я из ума выжила.

– Ась?

– Стар-бакс? – повторяю по слогам.

– Чаво-о-о? Вбарыжить мне чаво-та хочешь?! – рявкает, один глаз прищунив.

– Что?.. А! Не-не-не! Я имею в виду: не подскажете, где поблизости можно кофе купить? Кофе, ну... такой, в стаканчике... Ко-фе.

Дядечка с хмурым видом указывает граблями на противоположную улицу:

– Клевер. За тем углом.

– А-а-а... – с тупым видом. – Клевер. Хорошо. Спасибо. Клевер.

«Клевер» – гласит зелёная вывеска над деревянной дверью старого двухэтажного здания с крохотными квадратными окнами и малюсенькими балкончиками.

– А в маленьких квартирках на маленьких кухоньках, на маленьких стульчиках сидят гномики и маленькими ротиками пьют чай из маленьких чашечек, – бурчу себе под нос, скептически разглядывая столь древнее строение, что чудо, как его до сих пор не определили под снос.

И вновь смотрю на вывеску, где рядом с буквами нарисован большой четырёхлистный клевер.

– Ну, или лепреконы чаёк попивают.

К большому удивлению, но внутри оказывается многолюдно. Просторный зал с множеством квадратных деревянных столов в своём оформлении больше напоминает спортивный бар, где вот на таких же массивных и наверняка неподъёмных стульях сидят мужики, пьют пиво и смотрят чемпионат по футболу. Только вместо застоявшегося запаха табака, кафе «Клевер» наполняет аромат кофе и корицы, что даже слегка в замешательство вводит.

Не сразу до меня доходит, какой атмосферы пытался добиться дизайнер этого кафе, а затем вновь название вспоминаю, что помогает обнаружить гораздо больше сходства с ирландским пабом.

«Ну, во всяком случае, они пытались.»

Зелёный и коричневый преобладают во всём интерьере, строгая обстановка в мягких, не режущих глаз тонах, играет тихая ненавязчивая музыка. Мебель массивная и, возможно, даже удобная. Никаких галогенных ламп, только светильники, имитирующие люстры со свечами, а с балочного потолка свисают неброские плафоны на длинных проводах. Природные текстуры, приглушенные тона и всё такое...

– Не «Aroma Cafe» конечно, но...

– Что, простите?

– Прощаю, – даже не оглянувшись, двигаюсь к одному из пустых столиков и ещё несколько минут наблюдаю за тем, как у... бара(?), – именно так бы я назвала этот странный прилавок, – столпилась куча народа.

«А за вон той чёрной ширмой прячутся ряды дешёвого, разбавленного водой алкоголя», – цинично усмехаюсь про себя.

Закидываю ногу на ногу, достаю телефон и без особого интереса пролистываю фотки моих друзей, выложенные в Инстаграм. У них там тепло, хорошо, весело... А я... А мне...

Ненавижу всё это. Вот прям вообще не н а в и ж у!

– Эй? – окликаю парня в зелёной фланелевой рубашке у соседнего столика. – Мне, пожалуйста... эм-м... мне в общем самый лучший кофе, что здесь есть.

И вновь взглядом в дисплей утыкаюсь.

Вот Линдси и Чак на пляже: весёлые, счастливые, улыбаются, целуются.

А вот Брендон за рулём своего новенького мерседеса.

А вот Кайл с... Стоп. Какого хрена Кайл с этой дрянью белобрысой обнимается?

Слышу, как над головой кто-то негромко откашливается, поднимаю голову и сперва утыкаюсь взглядом в клетчатую зелёную рубашку, очевидно не первой свежести, а следом нахожу лицо её владельца.

Я сказала лицо?.. Где раздают такие «покерфэйсы»? Я бы взяла себе парочку.

А это что? Татуировка на виске? Крестик? Ага, крестик на виске, ну ладно. И из-под рубашки какие-то чёрные завитки к шее тянутся, на плющ похоже, или на виноградную лозу только с шипами; далеко тянутся – аж к самым ушам. Меня таким удивить сложно (в Лос-Анджелесе полно таких персонажей), удивляет меня всегда то, что люди добровольно себя уродовать позволяют.

– Уже принесли? – вопросительно вскидываю брови, но кофе в руках парня не обнаруживаю. И вот совершенно не понимаю, чем заслужила такой пристальный взгляд официанта. Теперь слегка глаза щурит, будто я ему заказ на китайском сделала, а у него в голове автоперевод не сработал.

– Что? – выключаю телефон и кладу на столик. – Кофе закончился? – Я девочка вежливая и возмущаться некомпетентности персонала не особо люблю, но этот парень реально напрягать начинает.

Руки в карманы джинсов спрятал, слегка ссутулился, голову набок склонил, так что тёмные рваные локоны тень на лицо бросили, и вдруг взглядом по мне бродить начинает: рассматривает с головы до ног! Нагло, пристально.

– Вы не местная?

– Что-то не так? – вопросом на вопрос.

А парень вновь усмехается, вытаскивает забитую татуировками руку из кармана и с задумчивым видом почёсывает подбородок.

– Кофе? – вдруг спрашивает.

– Ну, да. Кофе. – Вообще не понимаю к чему этот разговор. В нормальных заведениях официанты просто выполняют заказ, принимают чаевые и с улыбкой удаляются, а этот...

– А! Здесь чаевые заранее дают?

– Чаевые? – брови официанта лезут на лоб.

– Прости, но я немного опаздываю, – терпеливо вздыхаю. – Не мог бы ты уже принести мне кофе, получить чаевые и заняться другими посетителями? Я, правда, спешу. И уж поверь, желания разговаривать с твоим начальством, у меня абсолютно никакого. Как и настроения, собственно.

– О, – с пониманием дела опускает уголки губ вниз и кивает.

– Дошло, наконец, – бурчу себе под нос и вновь за телефон хватаюсь, как тут...

– Эй! Эй, вы все там! – объявляет парень на весь зал и машет рукой толпе у барно... то есть у прилавка. – Да-да, вы! Ну-ка разойдитесь все! Давайте! В стороны разошлись! Вы ведь никуда не спешите? Подождать можете? А то тут у дамочки срочный заказ кофе! И что самое ужасное – у неё жуткое настроение!

Толпа начинает хохотать. Хохотать. С меня.

– Дамочка? – возмущённым шёпотом вырывается у меня изо рта.

– Алин, сделай ей там самый лучший кофе, что у нас есть! – Кричит парень девушке за прилавком и вновь ко мне обращается: – Так, да? Так вы просили?

А я, как рыба, выброшенная на берег, хлопаю ртом и ничего в ответ сказать не могу, пока посетители глаз с меня не спускают и, не стесняясь, улюлюкают, а девушка-кассир за прилавком – единственная, кто прибывает хотя бы в некотором замешательстве от происходящего.

– Алин?! – посмеивается официант. – Ну чего ты там возишься? Я сейчас чаевых из-за тебя лишу!

– Ты вообще в этом баре не работаешь! – смеётся кто-то в толпе, и в голове фейерверком вспыхивают сразу два вопроса: «Он не официант?!» и «"Клевер" – это... бар?!»

– Что? Как?! – Парень, разыгрывая драму, с наигранно шокированным видом хватается за сердце и во все глаза смотрит на меня: – Я здесь не работаю?! То есть... То есть я не официант и... Подождите, то есть... О, Боже... это значит, что я не смогу принести вам кофе?!

Такого оглушительного смеха я давно уже не слышала. А чтобы ещё и я была ему причиной!

Дурацкий город. Дурацкий день. Дурацкое кафе!

А это вообще придурок какой-то!

– Не знаю, откуда вы такая взяли, мисс-плохое-настроение, но здесь, как и в большинстве заведений этого города – самообслуживание. Так, на всякий случай сообщаю, если вдруг ещё кого-нибудь припахать захотите. – Толпа притихает, а парень улыбается мне стоит и даже безо всякой язвительности. Ну, вроде как сначала облил помоями, а теперь заверяет, что они мне к лицу.

Забрасываю телефон в сумочку и поднимаюсь с (ни фига не удобного, кстати) стула.

– Дамочка, значит? – повторяю язвительно и с возмущённым видом складываю руки на груди.

Глаза парня в подозрении сужаются.

– Нет? – спрашивает, и вдруг его осеняет словно! – О-о-о-о... а так сразу и не скажешь. Прости, парень.

– Кто?! – Нет, ну это уже ни в какие рамки не укладывается! – Я не парень! Понял, ты, – и слово такое гадкое с языка срывается, – фрик!

Толпа ахает и резко затихает.

Кажется, мне здесь не рады.

– Хм, – смотрит на меня в упор. – Знаешь, если бы я здесь работал, то...

– Вышвырнул бы меня отсюда? – с вызовом.

Глаза шурит:

– Попросил бы больше не приходить.

И тишина.

Прочищаю горло и раз я и так уже дрянь, то быть мне ею до конца.

– Это хорошо, что ты здесь не работаешь, – выдавливаю скользкую улыбку. – Потому что, если бы это была твоя работа, уже завтра пришлось бы искать новую.

Вновь руки в карманы прячет, коротко усмехается, не сводя глаз с моего лица, и словно выжидает чего-то.

– Мить? – зовёт его девушка за прилавком и ставит на него стаканчик с кофе. – Я это... кофе. Как ты просил.

– Ну надо же! – усмехаюсь. – Спасибо... Алина, кажется?

Бодрой походкой шагаю к прилавку, забираю кофе, возвращаюсь к этому придурку, достаю из сумочки купюру в пятьсот рублей и вкладываю в карман его рубашки.

– За кофе заплатишь, а остальные себе на чаевые возмёшь, – подмигиваю и стучу каблуками к выходу. – Пролетариат.

Глава 2

– Ну и где здесь шкафчики? – Кручусь посреди школьного коридора второго этажа средней школы номер три, и пытаюсь сориентироваться в пространстве. Та ещё задачка однако, учитывая обстоятельства сегодняшнего утра, когда мне настолько испортили и без того не радужное настроение, что даже вот эти стены, выкрашенные в отвратительный грязно-зелёный, кажутся бесконечным, раздражающим лабиринтом.

Ай, к чёрту шкафчики.

Свет в фойе не горит, как и на всём этаже собственно, отчего приходится подходить к каждой двери вплотную и читать табличку с названием предмета.

– Кристина? – уже знакомый голос завуча Раисы Павловны (кажется, её так зовут), которая несколькими минутами ранее успела отчитать меня за опоздание в мой первый же учебный день, затем ознакомила со школьными правилами, потому что так положено, вручила расписание уроков и отправила в кабинет математики. На каком этаже этот кабинет и какой у него номер, видимо, сообщить забыла, а я в свою очередь напоминать не стала и решила самостоятельно отправиться на поиски, чтобы потянуть время, ведь до конца второго урока осталось не более пятнадцати минут.

– Почему ещё не на уроке? – нравоучительно осведомляется, упирая руки в бока, отчего бирюзовая блузка из стопроцентной синтетики натягивается на объёмной груди так сильно, что одна из пуговиц норовит отскочить мне в глаз.

– Я кабинет ищу.

– А я разве... – замолкает и резко нахмуривается. – Должно быть... Пойдём, я тебя провожу.

– А где мой шкафчик? – интересуюсь, поднимаясь вслед за завучем на третий этаж.

Бросает на меня хмурый взгляд через плечо:

– Шкафчик?

– Шкафчик для моих вещей.

– Но... Кажется, ты что-то перепутала, Кристина.

А... Блин.

Русская провинциальная школа.

– Забудьте.

Раиса Павловна доводит меня до тридцатого кабинета, но дверь открывать не спешит, вдруг поджимает губы и смотрит строго:

– Кристина. Я не стала говорить об этом при педагогах в учительской, но раз уж мы сейчас оказались наедине, то хочу попросить тебя больше не приходить в школу в таком... – пробегаются взглядом по моей короткой юбке в обтяжку и вновь смотрит в глаза, – в таком виде. Не знаю, как было принято одеваться в школе в этой твоей... *Америке*, но у нас... в общем, в наше учебное заведение приходить в таких нарядах не позволяется. Наши дети они... более... более простые, понимаешь? Ты должна соответствовать им, если хочешь завести новых друзей.

– В каких – «таких»?

– Что-что, прости?

– Вы сказали, не приходить в школу в таких нарядах. В каких – «таких»?

– Эм-м... – горло прочищает. – В... в таких.

– В каких? – выжидающе выгибаю бровь, а Раиса Павловна, очевидно жалея, что вызвалась проводить меня до кабинета, терпеливо вздыхает и поджимает, выкрашенные в ярко-персиковый, губы. Кажется, такой цвет был в моде года три назад.

– В таких – скажем так, – вульгарных нарядах. Понимаешь о чём я? У нас нет официальной школьной формы, но есть определённые требования к внешнему виду учеников. И, да... твой макияж – тоже явный перебор. – Скупой улыбается, демонстрируя огромные передние зубы, и распахивает передо мной дверь кабинета.

Вот терпеть не могу такие моменты. Будто и не шло в классе шумного обсуждения чего-то там. Будто какой-то парень у доски с мелом в руках и не решал какой-то там пример. Будто не новенькая ученица в мини, а какая-то там завуч, появившаяся в дверях, поспособствовала гробовой тишине наступившей в кабинете. Вот только... все смотрят на ученицу, а не на завуча, и теперь, пожалуй, я готова согласиться с тем, что мой внешний вид слегка не укладывается в рамки школьных стереотипов.

Откуда вообще всех этих мышей понабирали?

Никто не слышал, что такое помада? Тушь для ресниц? Нет?..

Боже... всё ещё хуже, чем я себе представляла.

– Класс! Это Кристина Маркова – ваша новая одноклассница! – обводя учеников взглядом, сообщает Раиса Павловна, мягко похлопывая меня по плечу. – Кристина, это 11 «А».

Приятно познакомиться.

– Продолжайте урок, – дверь хлопает позади завуча, а такое чувство, что мне кто-то крепкий, невидимый подзатыльник отвесил.

– Тишина!

Следовало ожидать, что оставшееся до звонка время мы не будем решать математические задачи.

– Класс! Тишина! Чего расшумелись?

Следовало быть готовой к тому, что Раиса Павловна, ещё будучи на пороге кабинета, как бы невзначай обронит, откуда я приехала и последующие пятнадцать минут мои новые одноклассники, а также учитель математики займутся ничем иным, как расспросами меня о Штатах.

– Можно мне уже сесть на место? – интересуюсь, обрисовав картину своей жизни в общих чертах, разумеется, и словом не обмолвившись о папочке-предателе и о теперешней бедности моей семьи.

– А, да-да, – кивает мне Иосиф какой-то там, пробегаясь взглядом по классу. – Садись с Женей Карасёвой. Вон там – левый ряд, третья парта.

Пересекаюсь взглядами с той самой Женей Карасевой, которая приветливо мне улыбается и смотрит широко распахнутыми глазами сквозь стёкла толстых очков, отворачиваюсь, и вновь смотрю на учителя.

– Я хочу сидеть там, – произношу без единой эмоции в голосе и указываю рукой на последнюю парту на среднем ряду.

Учитель мешкает с ответом:

– Но... но там ведь никто не сидит.

– И это отлично! – поднимаю кверху большой палец и ободряюще улыбаюсь.

Пока прохожу по проходу к парте, которую выбрала, слышу, как-то из мальчишек свистит, за что тут же получает нагоняй от Иосифа... пф-ф... Яновича что ли, а я ловлю на себе взгляды девчонок, у которых, судя по кислым лицам, новая одноклассница восторга не вызвала.

Что за дискриминация коротких юбок в свободной стране?

И тут слышу:

– Свистят только шлюхам.

Ага.

Круто.

В общем, знакомство с моими новыми одноклассниками не задалось.

А главное что? Верно – мне плевать. Всё, что мне нужно, это парочку месяцев, а если повезёт – недель, продержаться в этом городе, в этой школе, а затем вернуться к своей прежней жизни и забыть всю эту несуразицу, как страшный сон. И да, я верю, что так и будет. Верю, что у папочки проснётся совесть, и он заберёт меня туда, где сейчас находится сам. Ха. Только если его действительно инопланетяне не похитили.

Друзей я тоже заводить не собираюсь. Почему? Потому что у меня уже есть друзья! Настоящие, клёвые друзья, которые, по стечению обстоятельств, просто находятся далеко, и искать им замену не вижу причин. Но, кажется, Женя Карасева посчитала иначе, прилипнув ко мне на всю следующую перемену и даже поинтересовалась (трижды!) не передумала ли я, и не появилось ли у меня желание разделить с ней одну парту.

Нет, ну серьёзно... Я ничего не имею против девочек вроде неё, а о вкусах вообще не спорят и, уж тем более, презирать человека за то, как он выглядит – последнее дело, но взгляните на неё и на меня. Нам просто судьбой не суждено подружиться, как минимум потому, что у нас не найдётся ни одного общего интереса.

Так что...

– Прости, но я хочу сидеть одна.

– Ладно, – Женя пожимает плечами, поправляет очки, сползающие на кончик носа, одаривает меня дружелюбной улыбкой и удаляется за свою парту.

– Что, Жень, бортанула тебя новенькая? Не по зубам орешек? – посмеиваются девочки, которых даже разглядывать желания нет.

– Американский орешек!

– Нет, просто она одна хочет сидеть, – без колкости отвечает Женя, и вновь адресует мне улыбку.

Упс. Кажется, я только что скривилась.

– Ага, утешай себя этим. – У одной из девочек громкий басистый смех. – Посмотри, как её перекосило. Кто она, а кто мы? Таракашки под ногами принцесски. Да, новенькая? Чего уши греешь?

– П-ф-ф... делает вид, что не к ней обращаются.

– Только посмотри на её юбку. А макияж? На панель собралась?

Боже, какие же узкомыслящие дуры.

– Эй, новенькая, кому эсэмэс-ку на своём айфончике строчишь? Своим тупым американским друзьям?

Хохот.

– У меня они хотя бы есть.

Тишина.

– Что? Что ты там вякнула?

Терпеливо вдыхаю, отрываю взгляд от телефона и пытаюсь понять, что этой курице с жутким мелированием, которое, увы, не спасает её от сходства с мальчиком, от меня надо.

– Эй! Америкоска! Что ты там вякнула, спрашиваю?!

– Вякнула? – усмехаюсь. – Странно, обычно всем нравится мой голос. У тебя что, нет чувства прекрасного и проблемы со слухом?

– Умную из себя строишь?!

– А у тебя проблемы в общении с умными?

Ну славу Богу, закончила кудахтать. Краской от злости залилась, фыркнула и демонстративно отвернулась, будто я нанесла ей глубокую обиду. Ну... или мысленно представляет, как будет медленно меня убивать.

Возвращаюсь к фотке Кайла в фэйсбуке, любуюсь его белозубой улыбкой, и ставлю лайк. Как же я по нему скучаю...

Мы два года вместе. И это были лучшие два года в моей жизни, пока не пришлось уехать от него на другой материк.

Временно уехать, разумеется.

Но Кайл обещал ждать. Он любит меня – точно знаю. Так же сильно, как люблю его я.

– Привет, – какое-то лохматое чудовище в красной рубашке на выпуск, падает за мою парту, подпирает рукой голову и дважды подмигивает, скалясь во все зубы. – Меня зовут Кирюша, и мне поручено передать тебе привет... От кого? От моего сердца, конечно же.

WTF?!!

Да что не так с этой школой?!

– Круто, да? – протягивает мне ладошку. – Дай пять!

Как же вовремя у меня телефон зазвонил!

Теперь этот Кирюша – крупный должник моей матери, потому что отшивать вот таких вот придурков я научилась ещё года три назад. Отшивать так, что к ним до конца учебного года приклеивались прозвища, коими обязаны они были мне.

– Да, мама? Да, мама. Да! Мама! Я в школе, мама! Не знаю, когда буду! Я не брала твои подкладки в лифчик! Всё, пока! – Кладу трубку. – Что? – невозмутимо интересуюсь у застывшего в замешательстве Кирюши.

***

Урок русской литературы проходил мучительно долго, нудно и вообще, я, кажется, уснула под конец.

Проснувшись от звонка и шумихи вокруг, сгребла в сумку тетрадь с ручкой и, не дожидаясь от учителя разрешения на выход, первой покинула кабинет. И это, к слову, тоже было не намеренно сделано: в Штатах учитель теряет свой авторитет в классе одновременно со звонком на перемену.

Надо будет почаще вспоминать, что я больше не в Штатах.

***

Ну и почему он не отвечает?

Обычно, задержка ответа на мои сообщения у Кайла занимает не больше трёх-четырёх минут. У него-то нет проблем с интернетом. А у меня, кажется, трафик заканчивается.

Да почему он не отвечает?!

Написала ему уже с десяток сообщений, а он прочитал и молчит!

– Только посмотри на неё!

– Же-е-есть!

– Вот ржак!

А ещё вот это напрягает.

Сажу в столовой, за последним столом у окна, пью подкрашенную в цвет чая воду с сахаром, никого не трогаю, и слышу, как уже третья проходящая мимо компашка откровенно с меня ржёт. Нет – не смеётся, а реально ржёт!

– Да что не так? – Бросаю телефон в сумочку, делаю глоток чая, кривлюсь в отвращении, отодвигаю стакан подальше и решаю покинуть обитель хлебных котлет и яблочного компота.

Кто-то намеренно задевает меня плечом, так что сумочка падает на пол. И хорошо, что только сумочка.

– Глаза разуй, принцесска! Тебе тут не курорт, – летит в спину.

Что ж, слухи в этой школе разошлись гораздо быстрее, чем я предполагала. И страшно представить, какой будет итоговый вариант причины, по которой дочь олигарха переехала в этот Богом забытый город. А я ведь ещё ничего и сделать не успела!

Да и как, вообще, пытаться поладить с людьми, которые заочно ставят на тебе крест только потому, что у тебя блестящие каштановые волосы, стройная фигура и ухоженная кожа, красивый макияж, на тебе короткая юбка, ты переехала из Штатов в чёртову «деревню» и выглядишь в разы лучше, чем любая из этих девиц?..

Ну, что я виновата, что ли, что мой папочка...

– Идиот! – взвизгиваю, увидев своё отражение в зеркале туалета. Впиваюсь пальцами в края раковины и сдавливаю так сильно, что кричать уже от боли хочется. – Вот же... вот же идиот!

Включаю воду и всеми силами пытаюсь отмыть большие чёрные буквы, оставленные кем-то на моём лбу! И этот кто-то, очевидно, тот, кто сидел передо мной на уроке русской литературы и зря времени не терял, когда я позволила себя пару минут вздремнуть!

– Кирюш-ш-ша, да? – шиплю злобно, лихорадочно пытаюсь смыть этот чёртов маркер с лица. – Тебе жить надоело, Кирюша, или что?! Блин!

Хватаю бумажные полотенца, отматываю метра два, смачиваю водой и тру лоб! До красноты! До боли тру! Снова отматываю, снова смачиваю водой, и снова тру-тру-тру!

– Да чтоб тебя! – бросаю комок мокрой бумаги в зеркало и молча, тяжело дыша, наблюдаю, как он медленно сползает по гладкой поверхности, подобно большому слизняку.

– Перманентный. Маркер, – за спиной раздаётся довольный смешок, хлопает дверь одной из кабинок и, так как даже на возмущение слов не находится, всё, что остаётся, это наблюдать как скалится этот «мелированный пацан» в юбке по имени Жанна, с рожей не иначе как столяра Петра Петровича.

С важным видом подходит к соседнему зеркалу и подкрашивает губы ярко-розовой помадой. Звонко делает губами «Чп-а!», и я ловлю себя на мысли, что мне хочется открыть дверь одной из кабинок и проплевать.

– С первым днём в школе, америкоска, – улыбается паскудно, и, вилля толстым задом, обтянутым голубыми джинсами, направляется к двери. – И не забывай, где ты находишься, америкоска, – добавляет напоследок. – Будешь и дальше выпендриваться, и следующим, что будет украшать твою кукольную физиономию, станет фингал под глазом, поняла? Это моя школа. И либо ты затыкаешься до конца учебного года и соглашаешься с этим, либо пи**уешь на хрен в свою долбаную Америку. – Выдерживает паузу и добавляет: – Я просила Кирилла написать слово «шлюха», но так как ты и есть шлюха, он видимо подумал о возможности поиметь тебя, и написал свойственную ему фигню. Дурачок он у нас. Не держи зла. Удачи!

– Спасибо, – бурчу себе под нос, уже после того, как остаюсь в туалете одна.

А в Штатах такие, как Жанна, обычно изгоями школы становятся – не признанные обществом фрики. В России же таких мужеподобных, хабалистых девчонок боятся. Чудеса.

Вновь смотрю на своё вымученное зеркальное отражение, и вижу слёзы в ярких голубых глазах раньше, чем успеваю почувствовать жжение.

– Ну вот... Теперь я, как мама размазнёй стала.

Всхлипываю пару раз, вытираю слёзы, делаю глубокий вдох, настраиваю себя на то, что всё могло быть куда хуже и слово «Сися» на лбу – не самое позорное, что там могло быть написано, и собираюсь с высоко поднятой головой выйти из туалета, как на телефон приходит долгожданное сообщение.

– Кайл, – выдыхаю с трепетом, вновь едва слёзы сдерживая – на этот раз от жгучей потребности обнять своего парня, вдохнуть его запах, уткнуться носом в шею и забыть обо всём на свете. Кайл всегда чувствует, когда мне плохо. Всегда! И сейчас его поддержка – лучшее лекарство от всех невзгод.

Кайл: *«Детка, привет. Прости, что долго не отвечал. Был занят».*

– Малыш мой... – хлюпаю носом, с любовью и благодарностью вчитываясь в каждую букву.

Кайл: *«Крис. Нам было хорошо вместе и всё такое, но ты там, а я здесь... в общем... Прости, детка, но нам надо расстаться. И это... я теперь с Эили короче, а она ревнивая очень, так что не пиши мне больше, ок?... Удачи!»*

Глава 3

– *Кайл... Кайл...* – шепчу себе под нос, выплёвывая его имя, как змея.

«Кайл... Да какой ты Кайл?! Николай Грачёв – вот ты кто! Разбалованный сынок бывшего партнёра по бизнесу моего отца! Думаешь, в Штаты переехал, так и о корнях своих забыть можно? Вести себя со мной как зажавшаяся свинья можно? Скотина. Урод!»

– МАЛОДУШНОЕ ЖИВОТНОЕ!

– Маркова! – восклицает учительница биологии и до меня не сразу доходит, что все присутствующие на уроке, как один вылупились на меня и рты поразевали. – Ты... ты что себе позволяешь, Маркова? Забыла, что на уроке находишься?!

Действительно.

Какого чёрта я на уроке?

Десять минут назад меня бросили! Меня! Бросили!

Он, правда, меня бросил?..

Может это дурной сон? Я сплю?..

Ещё вчера писал, как сильно скучает, как любит меня до беспамятства, а сегодня... а сегодня он рвёт со мной из-за какой-то там Эшли?!

– Урод конченный!

– МАРКОВА!

– Новенькой походу башню сорвало.

– А ну-ка прекратить смех! Маркова, а что там у тебя на лбу?

– Татуха! – ржёт кто-то.

Ну и пусть смеются. Вообще плевала я на них! На школу эту плевала! На город этот плевала с высокой колокольни!

Мне надо в Штаты – вот что!

Но, сперва...

Бросаю телефон в сумочку и на автопилоте бреду по проходу к двери.

– Ты ещё пожалеешь! – шиплю себе под нос. – Ещё умолять будешь, чтобы простила.

– Маркова, ты куда собралась?!

– КОЗЁЛ! – хлопаю дверью позади себя.

Сбегаю вниз по лестнице на первый этаж. Не замечаю ничего вокруг, действую на эмоциях, в глазах пелена из слёз, но нет... не-е-ет! Я больше не заплачу! Только не из-за говнюка, возмнившего себя Голливудским мачо!

Хватаю куртку из гардероба и сходу на кого-то налетаю в дверях.

– Кристина? – слышу уже вслед недоумевающий голос завуча Раисы Павловны. – Кристина, ты куда собралась в середине урока? Что это значит? Кристина!

– Да отвали ты! – рявкаю, толкая дверь на улицу.

Просто нервы сдали. Просто накопилось слишком много. Просто я тоже человек! Обычный... не робот.

***

– Виски со льдом, – бросаю девушке за стойкой и плюхаюсь на высокий барный стул. Алина, или как там её, тут же прекращает натирать бокал полотенцем и во все свои телячьи глазки пялится на меня. Пялится так, будто понятия не имеет, что такое виски!.. Или лёд?..

Да-да... я снова здесь. Снова в этом странном заведении под названием «Клевер». То ли кафе... то ли бар... Одно знаю – слово «бар» я здесь точно слышала, а учитывая то, что в этой деревне чёрт ногу сломит в поисках более-менее цивилизованного местечка, где можно выпить, то и

объяснять особо не надо, почему я вновь направилась сюда, а не в какую-нибудь «барыжку» – любимое место отдыха местной алкашни и забулдыг.

Отстукиваю длинными красными ноготками по лакированной столешнице и взглядом даю Алине шанс принять заказ и сдвинуться с места, наконец!

– Мы... мы не работаем, – растерянно произносит та, шевеля одними губами, и это невольно наталкивает на мысль, что остальное её тело попросту парализовало при виде меня.

Странно. Обычно при виде меня парализует только парней.

– Простите, – добавляет.

Сперва поворачиваю голову направо, затем налево, насчитываю пятерых посетителей за столиками и вновь возвращаю взгляд Алине.

– Я таблички на входе не заметила, или закрыто здесь индивидуально для меня?

– А-а?... А! Нет-нет-нет! – головой затрясла, поставила бокал на стойку и для чего-то принялась вытирать руки полотенцем.

Ну слава Богу – не парализовало. Было бы у меня другое настроение, непременно закатила бы глаза. Но всё, чего хочется в нынешнем расположении духа, это тупо наорать на неё... да за просто так! Просто потому, что тормоз! Просто потому, что бесит меня всё сегодня!

– Я имела в виду: бар открывается только в восемь вечера, – и улыбку из себя любезную выдавливаю. – А сейчас и двенадцати дня нет.

– То есть... до восьми вечера это – кафе? – глаза щурю.

– Ага, – улыбка Алины становится ещё шире, и ещё более доброжелательнее. – А после восьми мы можем продавать алкоголь и устраиваем концерты.

Чего-чего?... А, да пофиг.

Глаза щуру, всматриваясь в это ангельское личико и...

Чёрт! Я знаю, кого она мне напоминает своей внешностью! Упрощённая, не особо эффектная, но вполне симпатичная версия Камерон Диас. Точно! Выкачать из Камерон всю стервозность, самоуверенность и обольстительность и вовсе будет не отличить.

– Как насчёт ромашкового чая? – хлопает ангельскими глазками Камер... тьфу, Алина! – Он отлично снимает усталость и помогает справиться со стрессом.

– Разве, похоже, что у меня стресс?... А? Разве, похоже, что у МЕНЯ стресс?! – складываю руки на стойке и подаюсь вперёд. – И разве я похожа на ту, кто хочет ромашкового чая?... Не надо. Не отвечай. Просто сделай одолжение: налей мне виски и можешь продолжать натирать свой бокал.

Улыбка Алины гаснет. Руки опускаются. Тело вновь парализует.

Чёрт.

– Здесь есть кто-нибудь ещё из персонала?

– Как насчёт меня? – раздаётся сбоку уже знакомый мне мужской голос и уровень моей стрессоустойчивости падает ниже плинтуса.

А этот... выскочка, какого дьявола здесь забыл?

Руки на груди сложил с важным видом, подбородок задрал, волосы назад загрёб, будто его физиономию это как-то от простодушия спасти поможет, губы поджал, а глазёнками так зыркает, словно у меня осталось меньше минуты, прежде чем его тяжёлый ботинок смачно пнёт меня под зад через порог двери.

– Она тебе нагубила? – переводит взгляд «следователя» на Алину.

Да!

– Нет.

«НЕТ?!» – Круто разворачиваю к ней голову.

– Я думал, у тебя хватит совести сюда больше не приходить, – выскочка щурит глаза и впивается в меня строгим осуждающим взглядом.

– Я тоже так думала, – фыркаю и смотрю на бейдж Алины, будто до этого момента понятия не имела, как её зовут. – Алина, так что насчёт...

– Тебе же сказали: алкоголь продаётся только после восьми, – вставляет свои пять копеек татуированный фрик.

– А я вроде как не с тобой разговариваю. Почему? А потому что ты здесь не работаешь!

– Это не помешает мне выставить буйного посетителя за дверь.

– Мить, всё нормально, – тоненьким голоском лепечет Алина. – Уверена, девушка и так всё поняла.

– Слышал, Митя? – многозначительно играю бровями. – У нас всё нормально. Иди, погуляй.

Но Митя не хочет гулять. Продолжает смотреть на меня настойчивым взглядом, до тех пор, пока не замечает надписи на моём лбу и не сдерживает гнусненький такой смешок. Ну, то есть – уверена, – он и раньше заметил эту позорную надпись «сися», потому что только слепой может её не заметить, но видимо тактичность, или что-то вроде этого, останавливала парнишку указать мне на неё с самого начала.

– Ха. Ха. – Поворачиваюсь к Алине. – А теперь виски. Или книгу жалоб.

– И что ты в ней напишешь? – усмехается *Ми-и-итя-я*.

Да блин! До чего ж назойливый тип!

– Напишу, что сегодня утром, кое-кто высмеял меня перед десятками посетителей, нагрубил и велел больше никогда не переступать порог этого заведения. – Растягиваю губы в гадкой улыбке и хлопаю ресницами. – Уверена, что владельца кафе заинтересует информация о том, что какой-то грубиян нахамил посетителю и выставил его на посмешище, даже не являясь работником данного заведения.

– И что? – в открытую надо мной смеётся, так что только плечи дёргаются.

– А то, что администратор, – для убедительности бросаю ещё один взгляд на бейдж Алины, – не предпринял никаких мер, чтобы сгладить ситуацию и даже не принёс извинений пострадавшей стороне.

И Митя замолкает. Лоб хмурить начинает и слабо качает головой, будто понять что-то никак не может. Что – не удивительно!

– Для чего ты пришла? – негромко спрашивает. – Поскандалить?

– Нет, всё проще – выпить.

И вновь тишина. Такая напряжённая, что кажется я слышу как у этого НЕ(до)работника скрипят челюсти.

Медленно выдыхаю, пытаюсь выдавить из себя улыбку, которая, скорее всего, напоминает злую гримасу, и настойчивым полушёпотом обращаюсь к Алине:

– Я не могу сейчас пойти домой. Просто не могу. Но если прямо сейчас не напьюсь, то не выполню одно из главных правил женского кодекса, понимаешь? Ты-то должна меня понять!

И тут сбоку гадкое, насмешливое фыркание раздаётся:

– У женщин есть кодекс?

Смеряю Митю тяжёлым взглядом из-под бровей и низким, злобным голосом сообщаю:

– Да. И пишется он благодаря таким козлам, как ты!

– Алин, дай ей банку пива и пусть валит отсюда. По кассе не проводи, – смотрит на меня, не моргая, а обращается к девушке за стойкой.

– Банку пива? – удивлённо переспрашивает Алина, и да! Я хотела задать тот же вопрос только с другой интонацией.

Нет, я понимаю, что в этом городе всем плевать на то, что кому-то полчаса назад в дребезги разбили сердце, наплевали в душу, и вообще заклеямили «сисей», и, возможно я повела себя не правильно – на эмоциях, – требуя в кафе предоставить мне алкоголь, но, простите... банка пива? Серьёзно? Этот выскочка велел всучить мне банку пива и проводить до двери?.. Я

что... похожа на нищенку, у которой отходяк и ей срочно требуется спасительная банка пива, чтобы справиться с похмельем?

– Ты только что унизил меня. Снова.

– А ты минуту назад назвала меня козлом.

– Мить? – настойчиво зовёт Алина, пока мы с этим гоблином убивают друг друга взглядами. – Мить, прекрати, а?

Неужто Алинка про женский кодекс вспомнила?

– Я сама разберусь. Иди.

– Иди, Митя, – подхватываю Алину и киваю в сторону выхода. Если честно, то во мне даже интерес разгорелся: кто же этот парень, чёрт возьми, такой и почему так долго здесь торчит, даже не являясь работником кафе?

– Слушай, – в поисках шелестящих бумажек, к которым никак не могу привыкнуть, вытряхиваю немногочисленное содержимое сумочки на стойку и вопросительно смотрю на Митю, – а давай я дам тебе ещё пятьсот рублей, а ты мне расскажешь, какие функции выполняешь в данном заведении?

Да, меня понесло. А потому что не надо было одному козлу меня бросать, а второму меня доставать! Можно считать, что я так релаксирую.

– Что это? – А тон Мити вдруг меняется, лоб разглаживается от морщинок, а в глазах появляется настолько весёлый блеск, что даже как-то не по себе становится.

И тут я понимаю причину...

Чёрт!

Не успеваю подхватить со стойки выложенное на неё барахлишко, как Митя уже вцепившись пальцами в тетрадь, которая сегодня была со мной на каждом из уроков, весело присвистывает, а затем начинает... ну, да... ржать. А что ещё ему делать?

Хочется вклеить себе пощёчину за тупость.

– Кристина Маркова! – объявляет выразительно, прочитав моё имя на обложке. – Ученица 11 «А» класса!.. Подожди... это шутка, да?

– Отдай! – вскакиваю со стула и пытаюсь выхватить у него эту злополучную тетрадь. – Отдай, сказала!

Митя поднимает руку ещё выше, так что мне не дотянуться, и никак не может избавиться от этого противнейшего, глумливого смеха:

– Так ты школьница, что ли? – Оглядывает меня с ног до головы и ещё громче смеяться начинает. – Стоп-стоп... так это я тут перед школьницей распинался?

Складываю руки на груди и яростно сдуваю прядь волос, упавшую на лицо:

– Не заметила, чтобы ты тут распинался!

– Алина! – кивает на растерявшуюся девушку за прилавком. – Прячь пиво, Алина! У нас тут малолетняя алкоголичка нарисовалась!

– Я не алкоголичка! – сжимаю кулаки, вытягивая руки по швам.

– Да-а? – Митя выразительно выгибает брови. – А кто это у нас тут виски требовал, а? А кто это у нас тут книгу жалоб просил? Не одна ли маленькая, наглая школьница случайно, м?.. Уж очень на тебя похожая!

Замечаю, что не только этот придурок и Алина с меня глаз не сводят, но и немногочисленные посетители глазами хлопать не ленятся и, откровенно посмеиваясь, переговариваются между собой.

– Мне помочь тебе выйти, или сама справишься? – с громким хлопком моя тетрадь падает на стойку и некоторое время я плююсь исключительно на неё, будто это как-то поможет избежать позора.

В Штатах подделать документы – сущий пустяк, так что с посещением клубов после двенадцати, да и с покупкой алкоголя у меня никогда проблем не было. Да и я в принципе пью

редко – балуюсь за компанию скорее, но кто бы мог подумать, что желание напиться вдребезги, впервые в жизни и с большого горя у меня появится именно в России, и именно в баре, где работают идиоты, вроде этого!

Вновь расплакаться хочется.

«Только попробуй и точно получишь пощёчину», – угрожаю себе мысленно.

– Митя, хватит, – на удивление строгий голос Алины, заставляет меня поднять на девушку взгляд. – Она ещё маленькая, перестань.

– Маленькие не заказывают виски в двенадцать дня, – отвечает ей Митя, складывает руки на груди и тяжело вздыхает. – Ладно, Алина права. Давай, забирай свои вещи и иди домой, уроки делай.

– И вот он снова включил режим «милого парня»! – раздражённо выпаливаю.

– Ты – ребёнок, так что я признаю, что погорячился.

Хватаю сумочку со стула, не глядя запихиваю в неё тетрадь и пудреницу, с гордым видом распрямляю плечи и бросаю на этого слепого идиота высокомерный взгляд.

– Ребёнок? – расслабленно усмехаюсь. – Где ты видел ребёнка с такой фигурой и третьим размером груди?

Кто-то из посетителей громко смеётся с моей реплики, и я точно знаю, что в этот раз в дураках осталась не я. Только кто-то вроде этого Мити взглянув на то, как я выгляжу, может сравнить меня с ребёнком.

– Хм, – беззвучно усмехается, кривя губы в повеселённой ухмылочке. – Я знал, что ты это скажешь.

– О, правда?... – улыбаюсь шире. – Тогда это доказывает, что ты пялился на мою грудь.

Больше не собираюсь продолжать эту глупую дискуссию, второй раз за этот паршивый день стучу каблуками к выходу, как вслед доносится:

– Зубная паста!

– Что, прости?

Смотрит вслед и улыбается странной глупой улыбочкой:

– Перманентный маркер... смывается зубной пастой.

***

Вся моя жизнь полетела к чертям. У меня не осталось ничего, что было мне дорого. Любимые люди предали меня. Мама стала плаксивым ребёнком, а я вынуждена быть взрослым, который её утешает. Это сложно... Боже, это так сложно – держаться, быть сильной, не сломаться пополам, не упасть духом и продолжать жить, улыбаться, делать вид, что ничего страшного не случилось. Что всё наладится, вернётся на свои круги, и жизнь моя станет прежней...

Как сильно я должна верить в то, что всё станет прежним?... Станет ли?..

Как сильно нужно желать, чтобы отец, в котором я души не чаяла, вернулся, прижал к груди и ласково назвал меня своим котёнком. Как сильно нужно молиться, чтобы мама перестала лить слёзы по ночам, просыпаться с кругами под воспалёнными глазами и пачками пить успокоительное?... Как сильно я должна сдерживать себя, чтобы не срываться на других просто потому, что мне всё осточертело! Как перестать превращаться в бездушную стерву, если у меня... если в этом мире у меня никого не осталось! Нет никого рядом!

Это... всё это – не мой мир. Моего мира не стало. Он рухнул.

Люди могут думать обо мне всё, что угодно, считать сукой, тупой американской девкой, разбалованной папочкиной дочкой... мне всё равно. Люди завистливы, даже если никогда не признаются в этом вслух – так все мы устроены. И у меня нет сил и желания доказывать кому-то свою позицию, оправдывать себя, или же пытаться подстроиться под них... Им не понять, что Маугли, выросшему в джунглях, чужд цивилизованный мир. Ребёнку, родившемуся с золотой

ложкой во рту и в одну минуту ставшему нищим, не просто сложно оказаться в новом, чужом для него мире – ему страшно. Ему очень... очень страшно.

Но кого это волнует?

Их не волную я.

А меня не волнуют они. И не имеет значения: гордость это, или простая дурость. И не имеет значения: кто из нас Маугли, а кто ребёнок с золотой ложкой.

Одно я знаю точно – предают все.

Проще быть одному.

***

Два часа спустя

– Ээээй, тыыыы... – воплю протяжно, с трудом шевеля заплетающимся и странно онемевшим языком.

А почему мой язык вообще онемел, а?!

– Слышшшшш?! К тебе обращаюсссь! Выскочаааа-аауууу! – с демонстративным возмущением захлопываю за собой дверь «Клевера», круто разворачиваюсь на каблуках и по странным причинам едва не теряю равновесие. – Чёэт... уваспопы... такиескользике-е-е-а-а?..

В глазах плывёт, но я не пьяная! Не-е-е-т! Я просто... просто слегка навеселе! Вот... нет, не пьяная я. Точно говорю!

– Тыыыы! – нахожу взглядом зелёную рубашку в клетку у барной стойки и резко указываю пальцем на её владельца – ну, для пущего эффекта вроде как. – А ну-ка верни мой телефооооон!

– Я же сказал: вернётся, – слышу фыркание в ответ и целенаправленнодвигаюсь к стойке.

– Мить, она пьяная, не горячись.

– Не лезь, Алин.

– Это кто здесь пьяный, ааааа?!..

Физиономия выскочки плавает из стороны в сторону и трюится. Трижды с силой моргаю, но она всё равно почему-то плавает! И трюится! Что за фигня?

– Теле... фон! – требую, протягивая раскрытую ладонь. – Живооооо!

– Ты сама его здесь забыла, – плавающая физиономия оказывается над моим личиком, и укачивать начинает ещё сильнее. – А теперь заявляешься сюда пьяная в стельку, орёшь как ненормальная и пугаешь посетителей? – шипит недовольно.

Вот же зануда какая! Шипит! Да на меня!

– Сколько тебе? Семнадцать? – плавающие из стороны в сторону глаза придиричиво сужаются. – Не рано так напиваться?

– Мнечтивосемнадцать...

– Что?

Взмахиваю руками, так что – ХА! – этому татуированному упырю приходится выгнуть спину, чтобы по морде не получить. Хаха!

– Чё эт он режим «мамаши», что ли включил? – Звонко и, конечно же, не по-идиотски смеюсь. Я ведь не идиотка! – Упс! Прости, я сказала это вслух?

– Митя, уведи её отсюда.

– Эт кто ща сказал? – перевозжу расплывчатый взгляд на белое пятно, маячащее за спиной выскочки. – О! Камерон... приветик.

– Пойдём со мной, Кристина. Я помогу тебе умыться.

– Убери руки от меня, Камерон! Я не твоя фанатка! Тааак... телефон мой гдеее?

Всё... доплавались... вообще ничего не вижу. Всё какое-то мутное, тёмное, размытое... Где я, а? Что происходит?

- Дай телефон, Алин, я позвоню её родителям!
- Дерзай. Спросишь заодно, где моего папуличку носит! – удаётся вскрикнуть, и в глазах ещё темнее становится.
- Здесь есть номер твоей мамы. Я звоню ей, либо звоню в полицию.
- В полицию, однозначно. Ик! Пр-р-ридунок.
- Митя?
- Алин, я сказал: разберусь! Работай.
- Митя?!
- Да что?!
- ЛОВИ ЕЁ, МИТЯ!
- Бах.
- «А кто выключил свет?»

Глава 4

– Мммммм... – мычу страдальчески, набрасываю на голову одеяло, так что только пятки остаются торчать, и мычу снова: – Ммммммммм...

Как же плохо-то... Мммммм... Голова болиииииит... Во рту сухо, как в пустыне Сахара, и будто песок по глотке скребёт, когда сглотнуть пытаюсь.

– С добрым утром! – намеренно громко объявляет моя великодушная мать и видимо прикладывает все усилия для того, чтобы отдёргнуть шторы максимально шумно.

– Блиииин... ТИШЕ, А?!.. – и от собственного крика теперь умереть хочется.

– Божееее... дай мне просто умереть...

– А нечего было пить столько! – Слышу недовольное цоканье, и голос мамы звучит ближе. Слишком... слишком близко!

– Уйди из моего личного пространстваааа... – хриплю демоническим басом.

– У тебя пять минут на то, чтобы принять душ, позавтракать и отправиться в школу. Понятно, Крис?

– Никакого завтрака, – вновь сглотнуть пытаюсь, прогоняя подкатывающую к горлу тошноту.

– Кристина! – строго начинает мама и тут же никнет... – Блин! Ну кто просил тебя так напиваться, а? Сколько раз говорила: знай меру! Если бы отец увидел тебя в таком состоянии...

– Но папочка пропустил всё веселье. Упс! – Фыркаю и кутаюсь в одеяло ещё плотнее, мечтая превратиться в звуконепроницаемый кокон.

– Ну, Криииис... Ну вот зачем, а? Мне и так тяжело, а тут ещё и ты...

«А тут ещё и я...»

Какая досада.

У мамы отменно получается ныть. И мама не умеет ругаться. Не умеет читать нотации, не умеет долго злиться, да и вообще родительские обязанности и моя мать – как Дженис Дикинсон до пластических операций и после. Чёрт, да даже этим глупым переездом по большей части заведовала я! Потому что я из нас двоих ответственная, а мама... ну, в общем, моя мама из тех мам, которые с лёгкостью могут сойти за подругу или старшую сестру, и при этом им это дико нравится! Несколько раз она даже настаивала на том, чтобы я обращалась к ней исключительно по имени, то есть просто – Настя.

Настя.

Ага.

Учитывая наши отношения, я бы с лёгкостью могла согласиться, но... должна же у меня быть мать! Хотя бы формально.

– Ты бы хоть о нашей репутации подумала, – стонет *Настя*. Ей только захныкать осталось и попросить леденец на палочке, чтобы я бросилась утешать её, как капризного ребёнка. – Меня Маша звонком разбудила! Половина города уже шепчется о том, как дочка олигарха Маркова пила со всем известной алкашнёй в местной пивнушке. Криииис...

– Дочка *бывшего* олигарха, – поправляю придирчиво. – И о какой репутации ты говоришь? Смирись – мы на дне.

– Но Маша сказала...

– Да хватит уже про неё! – отбрасываю одеяло в сторону и тут же морщусь от яркого света и вспышки головной боли. Чё-ё-ёрт... Утыкаюсь носом в подушку. – Эта твоя Маша вообще тётка странная.

– Ничего не странная!

– Да-а-а? – протягиваю с ядовитой насмешкой, придиричиво взглянув на маму. – Тогда что у них с отцом за связь такая? Да что вообще общего могло быть у этой Маши и отца? Кто она? Его бывшая подруга?.. Пфф... с какой такой великой радости она нам квартиру свою предоставила? Ну, не совсем квартиру, скорее – её подобие, но...

– Будь благодарной, Крис! Отец доверяет ей, значит и мы должны. Если бы не Маша...

– Знаю, – перебиваю маму, и та понуро вздыхает, опуская плечи.

Ладно-ладно... только благодаря тёте Маше мы с мамой и оказались в этом чудном городишке, а не на одной из помоек Москвы, где каждый гектар земли подписан за кем-нибудь из бездомных.

Мой отец родился и вырос в этом городе. А когда наступили бандитские 90-ые, обзавёлся гениальной идеей, парочкой последователей, деловым костюмчиком с конфиската, стареньким подержанным «БМВ», и под песни «Modern Talking», гремящие из колонок, отправился покорять Москву. Что у него и вышло собственно.

– Все мужики – козлы, Крис, – вдруг решает просветить меня мама, и я не сразу понимаю, к чему вообще это заявление. – Вот вообще не вижу смысла напиваться до обморочного состояния из-за того, с кем вы даже не смотрите вместе. Серьёзно, Крииис! Кайл и ты?.. Пф, да это смешно!

– Тридцатисемилетняя тётка, говорящая как Барби, – вот что смешно.

– Что-о?

– Что-о? – повторяю её же тоном.

Вдыхает, поджимая губы:

– Ладно, если бы это был кто-то вроде Эштона Катчера, – мечтательно смотрит вверх. – Хотя, нет. Он слишком стар для тебя. Как насчёт Логана Лермана? Он красавчик.

Так.

Стоп.

А что вообще происходит?

Отлипаю от подушки и резко придаю позвоночнику вертикальное положение.

– Ты копалась в моём телефоне?! – со всем возмущением и тут же за голову хватаюсь. – Чёрт... Болит...

– Я принесу аспирин.

– Стоять! – тыкаю в сторону мамы пальцем, и та замирает, не успев и шага сделать. Смотрит на меня, будто в лёгком замешательстве прибывает! Будто копаться в телефоне дочери – абсолютно нормальное занятие!

Нет, ну в обычных семьях это может и считается нормальным: читать сообщения в мобильных своих детей, проверять контакты в поисках надписи «Дилер» и копаться в фотоальбомах, ища порнографию! Но у нас с мамой это просто неприемлемо!

– Мне собираться надо, Крис, – умоляюще глядит. – В салоне красоты за углом открыта вакансия визажиста, так что...

– Ты копалась в моём телефоне! – рычу обвинительно и вскакиваю на ноги. – Зачем ты копалась в моём телефоне?!

– Я не делала этого! Я вообще твой телефон в глаза не видела!

– Тогда откуда знаешь, что Кайл меня бросил?!

– Тот парень сказал!

– Что?! Кто?!

– Прекрати на меня кричать! Крииис! Мне неприятно!

Замолкаю на несколько секунд, пытаюсь собраться с мыслями, крепко зажмуриваюсь и массирую подушечками пальцев виски.

И тут...

– Damn!!!

– Ах! Кристина?! – мама хватается за сердце, пытаясь играть в строгую родительницу. – Что я говорила тебе по поводу ругательств?!

– Чёрт... Чёрт! Чёрт! – запускаю пальцы в волосы и нарезаю круги по комнате. – Этот придурок! Этот фрик! Этот выскочка! Это он копался в моём телефоне! ВОТ КОБЕЛИНА!

Хотя... Как он смог его разблокировать?..

– Кристина!!!

– Да что?!

– С чего ты взяла, что Митя кобелина? – озадачено.

– Что? – во все глаза смотрю на маму. – Митя? О... Митя, значит? Только не говори, что ты с этим козлом подружиться успела!

Мама принимается нарезать круги следом за мной, скрипя старым паркетом:

– Он тебя на руках домой принёс! – лепечет в спину. – Сказал, что понятия не имеет, где ты так напилась, но если бы ты была совершеннолетней, он бы не стал напрягаться и просто выставил бы тебя за дверь кафе, в которое ты для чего-то явилась поскандальить.

Останавливаюсь у кровати, резко опускаюсь на матрас и прячу лицо в ладонях.

Чёрт... я вчера отключилась. Прямо там – в «Клевере»! Прямо на глазах у...

– Нееееет... Вот я идиотка! Идиотка какая! – от стыдобы хочется саму себя придушить.

И кстати, почему болит копчик?

– Митя сказал то же самое, – тактично замечает мама, и я стреляю в неё гневным взглядом.

– Так может ты ему ещё и чайку выпить предложила?

– Я предлагала, но он отказался. Такой стесняшка.

Кажется, меня сейчас вырвет.

– Была бы я лет на пять моложе...

– Умоляю, не продолжай.

– ... я бы...

– Хватит! – смотрю на маму с укором. – Мы сейчас реально этого гоблина обсуждаем?

– Гоблина? – хмурится. – Митя очень даже симпатичный парень. Никакого сходства с гоблином я не заметила.

«Отпусти меня, придурок... – завывала я вчера пьяным голосом, пока этот «симпатичный парень», взвалив меня на плечо, куда-то тащил. – Отпустиши... я на тебя в полицию заявлю... за растление малолетних»!

Боже... что я несла?..

– Убейте меня...

– Что? – не понимает мама. – Ах, да! Кстати, я представилась твоей сестрой, – и как дурочка улыбается, – объяснишь потом, как до этого «Клевера» добраться. Хочу ещё раз твоего спасителя поблагодарить.

– Только через мой труп! – Распахиваю шкаф, так что дверь едва с петель не слетает, хватаю полотенце и шагаю в ванную.

Горячая вода не помогает справиться ни с похмельем, ни с лихорадочными мыслями, разрывающими голову.

Холодная вода тоже.

Блин!

Хватаю банку с шампунем и почему-то разговариваю с ней, как с лучшим другом:

– А, впрочем, чего это я переживаю?.. Ну напилась я, ну притащил он меня домой. Ну познакомился с моей чокнутой мамашей... точнее с *сестрой*, и всё! Всё! Больше и ноги моей в том баре не будет, следовательно, и рожу выскочки мне больше не увидать. Так что и думать тут не о чем... Я ведь права? – Киваю себе банкой с шампунем и довольно улыбаюсь. – Вот и отлично!

***

Ничего не отлично.

В десять часов утра, сидя за последней партой на уроке истории, всё, о чём я могла думать, так это о том, чтобы этот день поскорее закончился. А также о том, что мозг, оказывается, удивительным образом способен превращаться в липкую жвачку.

Аспирин не помог справиться ни с похмельем, ни с дурными мыслями, что выдавала, будто топором надвое расколота голова. А после встречи с Раисой Павловной, которая будто намеренно поджидала меня у школьного крыльца, уперев руки в бока и топая каблуком туфли с буратиным носом, так и вовсе жить перехотелось. Минут пятнадцать вливала мне в уши об установленных в школе правилах, о манерах поведения, и... ну и о том, что от семнадцатилетней школьницы не должно нести перегаром. С последним я даже искренне согласилась! Но что я могла поделать? Женский кодекс нельзя нарушать!

В общем, не успела дочь пойти в новую школу, а мамашу уже на ковёр к директору вызывают. Словно у моей мамы других дел нет! Она всё ещё в трауре по своей безлимитной кредитной карточке, какой нафиг вызов к директору? Но не объяснять же это Раисе Павловне. Собственно, как и то, что чёрный «бабулин» лифчик пятого размера, не особо эффектно смотрится под белой полупрозрачной блузкой.

И это я ещё вульгарно одеваюсь?.. Фу. Стыд и срам какой!

А ещё вот это бесит:

– Эй, слышали? Нашу американскую принцесску вчера принц бросил!

– Да ладно-о-о-о... Что за принц? Откуда инфа?

– Да она вчера в «Шишке» с друзьями моего бати зависала! Набухалась и весь вечер ныла, что её на перекаченную шлюху променяли. Зато проставилась!

– Эй, принцесска?! Быстро ты ж до такой жизни-то докатилась!

Сама в шоке.

Закрывать уши руками, прижаться лбом к парте и сделать вид, что вырубилась.

А ещё я не смогла найти свой телефон. М-да...

Времени на поиски особо и не было, но быстрый марафон по «халупе» моего любимого «Айфончика» не обнаружил, а вопли мамы о том, что я опоздаю в школу становились просто невыносимыми, так что пришлось отправиться на каторгу без самого дорогого, что осталось в моей жизни. Нет, маму я тоже люблю, но она не расскажет мне последние сплетни и новости из Лос-Анжелеса.

Так что, честно отсидев целых три урока в школе, будучи примерной девочкой, на все сто умеющей игнорировать нападки этой своры шакалов, что по совместительству являются моими одноклассниками, я направилась домой и принялась переворачивать там всё вверх дном в поисках моего «драгоценного».

«Драгоценный» найден не был. И мамы дома не обнаружилось, так что пришлось узнать у соседки, как звонить с городского на мобильный, и слушать долгих пять гудков, прежде, чем на том конце раздался голос...

– А я всё ждал, когда же ты позвонишь! Очухалась?

Секундочку.

Это же не...

– Оооо... так ты ещё и вор! – едко рассмеялась в трубку, узнав владельца этого низкого гоблинского тембра.

Пауза тишины и весёлое:

– Не понял?

– Что совершенно не удивительно, однако обстоятельства сложились не в мою пользу, поэтому я сделаю тебе одолжение, и повторю ещё раз: ты – вор!

– Прости, конечно, – запредельно весёлый смешок, – но видимо, я настолько туп, что вынужден просить пояснений.

Сжав челюсти до скрипа, сделала глубокий медленный вдох носом, выдохнула через рот, и, вспомнив о чести и достоинстве, произнесла совершенно непроницаемым голосом:

– Ты. Украл. Мой. Телефон. Так понятно?

– Да, предельно. Вот только разблокировать его не могу. Код не подскажешь, а то как-то перед покупателем неудобно будет.

– Очень смешно.

– Не сказал бы. Код скажешь?

– Только если от домофона! Вези мне мой телефон!

Шумный вздох:

– У меня работы много.

– Верни телефон, – требовательно.

– Слушай, чё тебе надо, а? Ты сама мне его вчера отдала, а теперь...

– Что? Я? Где? Когда?

– Вчера, я же сказал. В машине, когда я твоё тело домой доставлял.

В машине?..

Так вот почему так черепушка трещит... Да я вчера в полнейший ноль наклюкалась! Вообще ничегошеньки не помню!

Но... где наша не пропадала? Ведь мы...

Гордые и красивые!

– А как ты мой адрес узнал? – скептически протягиваю.

– Что, вообще ничего не помнишь? – в ответ с насмешкой гадкой. – Сама мне адрес сказала.

– Ладно, пофиг. Телефон привези! – железным требованием. – Я тебе заплачу.

Тишина.

– Алло? Ты тут ещё?

– Нравится тебе деньгами разбрасываться, да? – цинично.

– Тебе-то что? – глаза закатываю и вновь смотрю на своё отражение в круглом настенном зеркале. Да уж... видок жуткий. Надо было лучше синяки под глазами замазывать. А эта уродская надпись на лбу даже после половины тюбика зубной пасты и двух слоёв тонального крема видна.

– Эй? – звучит в трубке.

– Прости, я про тебя забыла, – прочищаю горло и деловито интересуюсь: – Так что? Когда телефон привезёшь?

– А ты со всеми такая вежливая?

– Нет. Только с теми, кто мне особенно «нравится».

В трубке раздаётся крайней степени раздражения вдох, а вслед за ним не менее недовольное:

– Слушай, школьница. Я тебе не нянька, не курьер и не мальчик на побегушках. Нужен телефон – приди и забери. Адрес знаешь.

И раздались гудки.

Уставилась на телефонную трубку, так, точно она мне личное оскорбление нанесла. С трудом удержалась от желания разбить этот старый кусок пластика об стену.

– И что это было?

Набираю снова.

«Абонент временно недоступен».

– Высочка чёрттов!

Глава 5

Всего за несколько недель этот город успел превратиться в мой личный филиал Ада на земле. Нет, моя жизнь превратилась в Ад ещё в Лос-Анджелесе, но ещё немного и мне начнёт казаться, что филиалы открываются повсюду, куда бы я ни поехала. Словно злой рок следует по моим пятам!

Вот уже третий раз за день я проделываю тот же путь. Спуститься с третьего этажа, старательно затыкая нос рукавом, чтобы задымленный к чёртовой матери подъезд, не превратил лёгкие в дряхлую мочалку. Затем за угол дома по Лермонтова, пиная носами лакированных сапожек куски асфальта на разбитой дороге. Мимо старых блочных пятиэтажек с заваленными хламом балконами. Мимо мусорок, и с пользой проводящих досуг в её недрах товарищей-постояльцев...

– Эй, женщинаааа! Никотину не найдётся?

Боже... Ускорить шаг и скорее выйти к парковой алее. Наискосок мимо обшарпанных лавочек и неотёсанных елей, и вот она – главная улица Заводского района! Проспект Мира. Где в одном затхлом общепите сейчас развернется настоящая война!

Свинцовые тучи сгустились на небе под стать настроению. Где-то вдали послышались раскаты грома, и моя больная черепушка, видимо, решила составить ему компанию, загремев в ответ так, что тупая боль пронзила затылок. Первые капли дождя упали на лицо, когда я дожидалась зелёного человечка на светофоре. Тихонечко чертыхнулась себе под нос, и какая-то женщина рядом не постеснялась тут же поделиться состоянием своих скручивающихся в трубочку ушей.

Конечно, ей-то чего? Она-то зонтик с собой прихватила. Да и разве ей понять, сколько я времени угробила на то, чтобы привести себя в божеский вид?.. Макияж такой сделала, словно на вечеринку в «Playhouse Hollywood» собралась, не меньше; смоки айс, чтоб подчеркнуть василькового цвета глаза, все дела. Волосы слегка завила и приподняла на затылке, бижутерия от «PILGRIM», чёрное шерстяное мини от «Prada», кожаная куртка от него же... Выгляжу на все сто! Для чего? Да потому что плевать хотела на то, как смотрят на меня жители этого города, важно лишь то, как чувствую себя я! Почему я должна менять себя просто потому, что кому-то не нравлюсь?.. Мир так устроен: стоит лишь один раз включить заднюю, и кто-то тут же врежется тебе в зад. Лучше уж я буду мчаться вперёд на всей скорости! И даже если этот татуированный неудачник и считает меня безмозглой школьницей, это ещё не говорит о том, что это мешает ему меня хотеть.

Едва успела открыть тяжеловесную дверь «Клевера» и переступить порог, как с неба на землю обрушилась стена из дождя.

«Чудом успела»

Не давая и секунды немногочисленным посетителям кафе на то, чтобы таращить на меня глаза, тряхнула шевелюрой, расправила плечи и уверенной походкой направилась к барной стойке. Словно... словно вчера тут скандалила и угрожала прикрыть эту затхлую лавочку вовсе не я, а, скажем, моя сестра-близнец. Ну, а что?..

Ладно, на самом деле «затхлая лавочка» – громко сказано. Я готова признать, что «Клевер» – не самое ужасное заведение из всех, в которых мне доводилось бывать. В отличие от американских пабов, где всё насквозь пропитано запахом пива, табака и мужского пота, здесь в воздухе витает приятный аромат свежего кофе и выпечки, а ненавязчивая релакс-музыка, льющаяся из колонок, и мягкий жёлтый свет антикварных ламп, как нельзя лучше создаёт в «Клевере» атмосферу теплоты и домашнего уюта.

За барной стойкой никого не оказалось, поэтому выбрав один из множества пустых стульев, присела и, в ожидании появления одной из самых неприятных личностей, что только доводилось встречать в своей жизни, принялась постукивать алыми ноготками по лакированному дереву стойки, и украдкой поглядывать по сторонам.

Ну, вроде бы не всё так плохо. Кажется, интерес перегорел, раз на меня никто больше не смотрит. Вот и чудно.

– О! Привет! – за барной стойкой вдруг появилась Алина, будто просто стряхнув с себя плащ-невидимку, и её доброжелательная белозубая улыбка не могла не вызывать подозрений.

Берёт одну из пустых белых чашек и вопросительно смотрит на погружённую в сложнейшие умозаключения меня:

– Кофе?

– С чем? – интересуюсь, сузив глаза. А вдруг у неё в подсобке целый склад мышьяка?..

Алина тихонько и так миленько усмехается, что мне невольно поёжиться хочется. Бррр! Миленько – именно! Теперь всё, что можно обозвать миленьким, будет ассоциироваться у меня с ней.

– Могу предложить кекс с изюмом! – и аж глаза восторгом загораются. – Ещё тёпленькие.

А мои вот глаза сужаются всё больше, и я даже не пытаюсь скрыть подозрения:

– А кто пёк?

Усмехается:

– Булочная на Маяковского. Мы их постоянные заказчики.

Угу... И что-то всё равно аппетита нет.

– Просто кофе, – расслабившись, выдыхаю и наблюдаю, как получающая очевидное удовольствие от своей работы Алина принимается варить для меня кофе. Варить – это хорошо. Варить – это не кофейный автомат с помоями.

И на вкус очень даже хорош!

– Как себя чувствуешь? – интересуется вдруг, и глоток обжигающего кофе тут же комом застревает в горле, вызывая каркающий кашель и желание громко выругаться. Однако вдобавок ко всему, я ещё испытываю жуткую неловкость и смущение. После... ну, после того самого. *Вчера.*

– Отлично! – заверяю громче, чем следовало, и взгляд Алины наполняется... постойте... чего это она меня так смотрит?.. Будто я пушистый щенок, лапкой в дождевом стоке застрявший.

Ах, ну да! Теперь ведь весь этот проклятый город знает, что я неудачница-брошенка.

Даже не собираюсь это обсуждать.

– Где Выходка? – спрашиваю после очередного глотка кофе.

– Кто? Митя?

– Да, Выходка.

– А... Он... он отъехал ненадолго. Скоро будет, – мило улыбается Алина, натирая белым полотенцем барную стойку. Автоматически выходит бросить взгляд на её правую руку и мысленно отметить, что барышня не замужем, и, судя по полнейшему отсутствию макияжа, туда даже и не собирается.

Интересно, сколько ей лет?..

Прочищаю горло и поглядываю на стеклянную витрину, где красуются целые ряды смертельного оружия, – каждое весом в пятьсот килокалорий.

Обречённо вздыхаю.

Уже забыла, когда в последний раз пироженку ела.

– И когда он будет? – наблюдаю за тем, как Алина разрезает на ровные квадратные кусочки... шарлотку, кажется.

– Скоро.

– Позвони ему.

– Уже звонила. Сказал, что скоро будет, – улыбается. Ну просто душка.

Однако, «скоро» в понимании некоторых малоприятных личностей, оказывается даже не двадцатью минутами и даже не получасом!

– Ещё раз позвони, – в пятый раз, сверля Алину всё более и более требовательным взглядом. – Ну, или дай телефон, я сама...

– Держи, – ставит передо мной ещё одну чашку кофе с молоком и пухлый шоколадный кексик на блюдечке. – За счёт заведения.

Рот тут же слюной наполняется.

– С какой такой радости? – вскидываю глаза на Алину.

Смеётся. Так звонко и так непосредственно, словно мы с ней подруги закадычные и планируем пижамную вечеринку.

– Ты такая забавная, – ещё сахарницу ко мне ближе придвигает. – Для этого скучного города просто чудо какое-то.

Так.

Съем-ка я кексик.

Проходит ещё минут тридцать, а Мити всё нет и нет...

– Может он заблудился?

– Подожди ещё немного, Кристин, – бросает на меня взгляд Алина, обслуживая пожилого дядечку рядом. – Уверена, Митя уже в пути сюда.

– Он с параллельной вселенной сюда тащится, что ли? – кошусь на электронные часы за спиной Алины и ёрзаю на стуле, от которого уже не шуточно болит зад. И копчик.

– Слушай, – недолго думая, решаю как бы ненавязчиво поинтересоваться, – а я тут вчера... ну это... Случайно... Это самое...м-м-м... А, ладно, забей.

– Случайно? Не думаю, – звучит за спиной голос, от которого внутри всё вмиг корочкой льда покрывается, причём не от ужаса, а от желания хоть на минуточку стать ледяной королевой и заморозить этого наглеца к чертям собачим. Пальцы тут же в кулаки сжимаются, а на языке уже вовсю вертится парочка изумительнейших приветствий, но...

Оборачиваюсь.

... но что-то вдруг становится не так.

Идёт не по плану.

И, скорее всего, у меня всё ещё похмелье... раз, едва взглянув на этого типа, невозмутимо взирающего на меня сверху вниз, внутри вдруг так тепло становится, словно оттепель началась, и лёд так быстро тает, что вместо снежной королевы мне скорее светит превратиться в Золушку-альтруиста.

Чёрт... И что это за мурашки такие непрошенные вдруг заиграли на коже, пронеслись вдоль позвоночника и на сердце будто птичьей трелью отозвались.

Этот Выскочка, он... он и вчера был так хорош? Или Алина всё же подсыпала что-то кофе?..

Ещё варианты: не выспалась, почувствовала себя свободной девушкой, сошла с ума... Ну или это просто дождь способен придать шарма даже самому невообразимому чудовищу?

Буквально зависла на нём взглядом... И все остроумные фразочки куда-то подевались. Предатели.

В ответ смотрит... Пристально, хладнокровно.

Кожаная куртка, на которой дождь нарисовал кривые дорожки, распахнута настежь, демонстрируя белую футболку, которая намокла не меньше и липнет к телу.

Ох, прости меня Господи, – да ещё к какому телу!

Каждый мускул, каждый рельеф, как мазок кистью на холсте гениального художника, чья картина способна привести в восторг даже самого занудного критика.

Выходит... сейчас я этот критик, что ли?

Блестящая от влаги загорелая кожа там, где начинается V-образный вырез футболки, будто бликами заходящего солнца играет, благодаря приглушённому освещению в кафе... И как магнитом взгляд притягивает. И вот, даже неприглядная лоза, что затейливой змейкой пробегает по жилистой шее и тянет свои шипы к самому уху, кажется не такой уж и ужасной.

Лицо непроницаемое. Как тёмные глубины океана, что ошибочно кажется спокойным, ведь в слегка прищуренных глазах, обрамлённых потрясающе длинными ресницами, малахитовыми всполохами играют чёртики. Медленно напрягаются челюсти, и я понимаю, что тому причиной мой слишком долгий и неоправданно пристальный взгляд, но, дьявол, заклинило будто, не могу его отвести... И вот я уже считаю капельки влаги, что будто в замедленной съёмке срываются с намокших и теперь чёрных, как смоль, волос, которые, скорее всего, минутой ранее были взъерошены каким-нибудь раздражительно неряшливым жестом.

Почему не увидела этот жест?..

Почему я думаю о том, почему не увидела этот жест?

Я что, под гипнозом?..

Вот же...

– Закончила? – низким грудным голосом, томно, практически с придыханием, и мои глаза мгновенно расширяются.

Что со мной? Он бы не стал говорить со мной в таком тоне.

– Закончила, спрашиваю?! – повторяет. Резко, недовольно, грубо, и я тут же возвращаюсь в реальность. Трясу головой, усмиряя разбушевавшуюся фантазию, и теперь чувствую себя до смерти неловко.

– Да я... я это, – хмурясь, отвожу пристыженный взгляд в сторону и для чего-то массирую подушечкой пальца висок. – Я не хотела так смотреть... С чего бы мне вообще на тебя смотреть? Да! Я просто... Это... В общем... – Блин. – Чего пристал, вообще?! Не смотрела я на тебя!

– Кофе пить, говорю, закончила? – как ни в чём не бывало, кивает на барную стойку, где покоится моей недоеденный кексик и чашка с кофе, и теперь я чувствую себя ещё больше идиоткой. Только вороньего карканья над головой для пущего эффекта и не хватает.

Кто-то из посетителей, не стесняясь, ржёт в голос с моего позора.

Вскакиваю на ноги, игнорируя боль в копчике и, решая, что нужно как можно скорее сменить тему разговора, протягиваю Выходке раскрытую ладонь.

– Телефон, – слегка закатывая глаза и манерно поджимая губы. – Сюда давай, и я даже не стану спрашивать, какого чёрта была вынуждена здесь столько торчать.

Секунда. Две. Три.

В лице не меняется.

Трясу ладонью, и вот уголок губ Выходки дрогнул в едва заметной ухмылке.

– Ладно, – расслабленно усмехается и опускает руки по швам, – была б ты постарше, я бы проучил тебя как следует. Но... раз уж издевательства над детьми запрещено законом, то... – подходит к стойке и выкладывает на неё какие-то две странные вещицы, – вот, забирай и проваливай.

– И... и что? – интересуюсь с насмешкой, глядя на маленькую пластиковую коробочку с резиновыми кнопками и серым экранчиком.

– Это? – с наигранным удивлением вскидывает брови. – Ооо... это твоя сим-карта. И твой новый телефон. Пользуйся на здоровье.

– Очень смешно, – продолжаю цинично улыбаться.

– Ну... – подпирает стойку задом, складывает руки на груди и весело мне в глаза смотрит, – если у тебя есть лишние сорок тысяч, то, согласен, почему бы и не посмеяться?

– Какие ещё сорок тысяч? – выпрямляюсь, как по стойке смирно, а этот гад продолжает давиться гнусной улыбкой.

– Да так... Всего лишь те, что ты мне теперь за ремонт микшерного пульта должна. И тебе крупно повезло, что я люблю детишек, а к таким как ты ещё и жалость испытываю, иначе побороть в себе желание купить новый хороший пульт – а это тысяч восемьдесят, – стало бы крайне затруднительно.

Что?

Что он несёт?.. Что ещё за... Стоп.

Подходит ближе, так что теперь только запах дождя вперемешку с нотками мужского парфюма наполняет мои лёгкие, и терпеливо вздыхает:

– «Yamaha EMX» – если тебе нужны подробности.

– Да хоть Росомаха! Я здесь причём? Какой ещё микшерный пульт? – смотрю на него во все глаза, но... кажется, начинаю припоминать, как вчера рухнула на нечто подобное, не справившись с равновесием, а рука теперь так и тянется к ушибленному копчику...

Поглядываю на одну из камер видеонаблюдения на стене и с трудом удерживаюсь от желания смачно хлопнуть себя ладонью по лбу.

– Мне плевать, какого пьяного змея ты вчера «словила», – говорит строже и резче, – как и плевать на то, какого чёрта тебя понесло на сцену, где была установлена аппаратура. А также мне плевать, каким образом ты собираешься возмещать ущерб, но... пока этого не сделаешь, пользоваться тебе древней пикалкой с резиновыми кнопками. Поняла?

Кажется... я только что разучилась дышать. И моргать. И вообще...

– Где *мой* телефон? – Вспоминаю, как вчера по пьяной лавочке отдала своего «Драгоценного» этому неотёсанному мужлану, и теперь себя ненавижу начинаю... Какого чёрта я вообще своего Айфошу ему в залог оставила?! Совсем умом тронулась?

– Ты продал его?! – с ужасом.

– Так ты ж разрешила.

– ПРОДАЛ?!

Смеётся:

– Я что, совсем на идиота похож? Побудет у меня, пока ты с долгами не рассчитаешься.

– И как я, по-твоему, должна это сделать?! – вскрикиваю, так что парочка посетителей за ближайшим столиком вновь хихикать начинает. – У меня... у меня нет таких денег, – тихо, дрогнувшим голосом.

– Серьёзно? – а *этот* глазами сверкает, как самый настоящий дьявол во плоти. Запускает руку в карман куртки и вскоре протягивает мне помятую и сырую купюру в пятьсот рублей. – Держи. Это твоё. – В руку впихивает. – Ты вчера тут разбрасывалась немного. Помнишь?.. Считай, делаю тебе скидку. Теперь ты должна мне всего-то тридцать девять тысяч пятьсот рублей. Кофе и кекс так и быть в счёт включать не буду. – И подмигивает, довольно улыбаясь.

– Да пошёл ты, – хватаю сумочку, сим-карту, и направляюсь к выходу с высоко поднятой головой и таким сильным жжением в глазах, что плевать на грозу снаружи, – мне срочно нужно сбежать!

– Эй? – кричит вслед. – Подожди, я тебе зонт дам!

– В аренду! – поддерживает кто-то из посетителей басистым смехом.

Выбегаю на улицу под стену из дождя, мечтая лишь об одном – смыть с себя весь этот позор.

Глава 6

И словно бездна разверзлась над головой!

– Это что, моё наказание?! Сколько можно уже?! – кричу. А может быть и нет! Не знаю. Собственного голоса не слышу, потому что, судя по всему, у грома сегодня мозгодробительный и, очевидно, нескончаемый монолог!

Уродливые чёрные тучи, плотным занавесом повисли над городом, всполохи серебра то тут, то там каждый раз вынуждают вздрогнуть, замереть на месте, пережить очередное БА-БА-БАХ! и на подкашивающихся ногах с дрожащими коленками продолжить бег к самому чёрту на кулички!

– Damn! Damn!!!

Вот же... Идиотка!

Угрозило попереться в другую сторону! О чём думала? Чем думала?! Зачем вообще думала?! Надо было просто делать то, что сделал бы любой здравомыслящий человек, наделённый маломальским инстинктом самосохранения! Надо было бежать домой! Ну, или как минимум в каком-нибудь продуктовом магазине засесть! Вот только из-за этого придурка, кретина, гада, козла (!!!), в голове ни одной здоровой мысли не осталось, а будучи опозоренной и пристыженной (снова!) на глазах у посетителей кафе, всё, о чём могла думать, так это о том, чтобы как можно скорее убраться подальше от этого поганого заведения!

И вот я чёрт пойми где...

В какую вообще сторону рванула?.. Не помню.

Какая это часть города и что здесь находится? Понятия не имею.

Заводской ли это район вообще?.. Насколько далеко я от «Клевера»? А от дома?..

На улицах ни души, даже кошачьей! Только желтоглазые авто мчатся по дорогам, посылая на тротуары целые волны дождевой воды. Под одну из таких волн я только что угодила. Но, учитывая и без того промокшие насквозь шмотки, – не велика беда.

Останавливаюсь, тихонько всхлипываю и головой вращаю. Ведь как только мозг перестало лихорадить, а самой себе захотелось вклепать крепкую пощёчину за глупость и крайней степени идиотизм, вернувшийся на место инстинкт самосохранения завопил о том, что мне сию же минуту необходимо найти укрытие!

В спальном районе, вглубь которого лучше не заходить, а лучшее, что попало на глаза – это отделение почты и то закрытое на ремонт!

Здорово!

Стучу зубами, дрожу с ног до головы, обнимаю себя руками, и уже собираюсь плюнуть на всё и зашагать в обратном направлении, в лучшем случае обрекая себя на простуду, а в худшем – на воспаление лёгких и обшарпанную палату в больничке, как замечаю арку между двумя блочными домами и, громко выругавшись от счастья, «рву когти» туда!

Нога подгибается, каблук ломается, и ладони ударяют по асфальту, разбрызгивая в стороны двухсантиметровый поток воды.

– Твою мать! Да чтоб тебя на *** ***** *****!!! – Понятия не имею, откуда в моей голове все эти мерзкие ругательства и что они означают, но думаю, что лучших слов не подобрать, чтобы описать моё нынешнее состояние, как физическое, так и моральное! Особенно моральное!

– Ненавижу... Ненавижу его! – поднимаюсь на ноги, забрасываю сумочку на плечо, и безжалостно помогаю каблuku окончательно отвалиться от подошвы.

Процайте мои лакированные сапожки.

Хромая на одну ногу бреду к арке, продолжая проклинать недоумка, по вине которого даже такси себе сейчас вызвать не могу – ведь у меня нет телефона, – и одновременно пытаюсь заверить себя, что не всё так плохо, что бывают в жизни ситуации и похуже, как...

– ОТДАЙ МОЮ СУМОЧКУ! ЭЙ! ВЕРНИ ЕЁ!!! ВЕРНИ МОЮ... сумочкуууусукаааа... – последние слова превращаются в протяжные рыдания, когда спина негодяя, укравшего мою сумку, скрывается за поворотом дома, и я без сил мокрой тряпкой сползаю по фонарному столбу, пряча лицо в ладонях.

Ненавижу... Ненавижу... Ненавижу свою жизнь.

Не помню, как заставила безвольное тело подняться. Не помню, как заставила ноги двигаться в направлении арки. Не помню даже, чем себя мотивировала; работа мозга, тела, мыслей происходила на автомате и осознание того, что тяжёлые струи дождя больше не ударяют по спине, а глаза можно не щурить пришло ко мне лишь тогда, когда по обонянию ударил застоявшийся запах мочи, а граффити на стенах безоговорочно подтвердили моё местонахождение. Добралась всё-таки... до укрытия... Промокшая до нитки, измученная, замёрзшая, да ещё и обворованная.

Этот день войдёт в мою личную историю самых худших дней в моей жизни. Клянусь! И всё из-за...

– Опа! Пацаны, это мы удачно заскочили на огонёк! Йоу, цыпа! – мерзкий, явно прокуренный и не трезвый голос, да ещё и эффектно усиленный гопническим говором, раздавшийся за спиной, автоматически выносит мне приговор, и я с ужасом осознаю... мне конец.

– Ничё такая!

– Сисястая!

– Гы!

– Моя тёлка, понял? Я её первый...это... того... нашёл короч! – самый высокий из трёх уродов, в спортивном костюме и в чёрной кепке с драным козырьком, забрасывает в рот остатки семечек и, кажется, пережёвывая их вместе с шелухой, отряхивает ладони, надувает плечи и решительно шагает ко мне.

Инстинктивно подаюсь назад, но тело настолько одеревенело от холода, а ноги дрожат так сильно, что со стороны я наверняка похожа на умирающую черепаху, решившую сделать свои последние несколько шагов на закате жизни; каждый из которых длится вечность.

– Хэй, тёлочка, а ты с какого района буш? Чёта я тебя тут раньше того... не видел, – второй, что ростом пониже будет, но комплекцией покрепче, вмиг успевает преградить мне дорогу и, обнажив мелкие жёлтые зубы, посылает в лицо настолько тошнотворный душок перегара, что невольно поморщиться выходит. А не стоило.

– Ты это чё, а? – не упускает из внимания тот же гопник. – Чё такая дерзкая?

– Отвалииии, Воваааан, – рядом с ним, плечом к плечу оказывается третий по счёту, но первый по количеству выпитого мужлан лет за тридцать. Смотрит на меня заплывшим взглядом круглых свиных глазок, криво ухмыляется и подмигивает: – По кактелю, мадааааам?

Не паниковать! Чёрт! Прочь панику! Она только усугубит положение!

Обнимаю себя руками покрепче и стискиваю зубы, чтобы не стучали, с потрохами выдавая страх, что ледяными щупальцами скользит по телу, удавкой на шее затягивается, доступ кислороду перекрывает, делаю вдох – выходит судорожное, жалкое, до чёртиков перепуганное всхлипывание!

– Что... что вам н-надо? – пытаюсь совладать хотя бы с голосом, который дрожит не меньше и не подчиняется. – Пройти дайте! – Делаю шаг вперёд, решая идти на таран, посчитав, что внезапная решительность, как минимум введёт этих трёх пьянчуг в замешательство, и тем самым даст мне шанс на побег. Но не тут-то было! Видимо, уроды не впервые подобным занимаются. Будто наперёд мои действия предвидели! Тут же толкают обратно, и вот я уже вжимаюсь лопатками в стену, а самый высокий из тройки нависает надо мной с высоты своего роста,

одной рукой за шею держит, а пальцами другой в талию впивается. Запах семечек и спиртного чувствуется так остро, что желудок теперь не от страха сводит, а от спазма-предвестника того, что его вот-вот вывернет наизнанку.

– Чё ты исполняешь, цыпа? – шипит мне в лицо, гадко скалясь. – Расслабули-балабули и всё будет чики-пики!

Пытаюсь стряхнуть с себя его руки, – не выходит, слишком крепко держит. Пытаюсь глядеть на него с вызовом, с угрозой в глазах и говорить пытаюсь, как можно решительнее:

– Тронешь меня и тебе конец, понял?

Брови мудака на лоб лезут, в глазах дьявольские огоньки пляшут, а губы всё больше в мерзкой улыбке растягиваются, в глумливой улыбке, которая доказывает лишь то, что он ни одно моё слово всерьёз не воспринимает, и, думаю, даже не собирается воспринимать. А судя по расширенным зрачкам и бешеному взгляду, что-то подсказывает мне, что это чмо не только выпить любит, но и иглой побаловаться. Ну, или клеем, – как минимум.

Вот же попала!

Рыдать хочется!

Выйти хочется!

Умереть хочется, лишь бы эти мрази и пальцем меня не тронули! Они больные... больные на всю голову ублюдки; избыют, поимеют, и подыхать бросят.

Боже...

Боже, помоги мне, Боже... Хотя бы раз помоги...

– Ты чё там завис, Шнур? – звучит голос одного из двух, пока этот Шнур продолжает вдавливать меня в стену и пожирать таким диким взглядом, будто несколько лет не трахался, а тут свезло вдруг! – Хватай её уже, и погнали! Чё тут тереться-то? Под окнами светиться?!

Что?

Куда?!

Вновь дёргаюсь! Изю всех сил дёргаюсь, со всем отчаянием отталкиваю от себя ублюдка и рвусь прочь – под стену из дождя, когда чьи-то пальцы хватают за волосы и так резко тянут назад, что слышу, как трещит скальп, а разноцветные пятна салютуют перед глазами, будто рой мух, вырвавшихся на свободу.

Больно ударяюсь задом об асфальт, напоминая копчику о недавних малоприятных ощущениях, и не успеваю до конца осознать, что произошло, как слышу ясный звук рвущейся ткани, а уже спустя секунду скользкие ледяные пальцы Шнура оказываются на моём голом животе.

– Отпустиииии... – умолять, всё, что остаётся. – Опустииии... Пожалуйстаааа... Отпустиииии...

Восседает на мне, всем весом в асфальт вдавливая, и вонючими руками своими по телу бродит, приговаривая что-то от том, какая я мягкая и приятная на ощупь. И ещё что-то говорит... Не знаю, не понимаю, не разбираю больше ни слова! Бьюсь в истерику, рыдаю в голос, зову на помощь, молюсь, чтобы отпустили! Чтобы не делали Этого со мной!

Кто-то хватается за руки и заводит их за голову, крепко пригвоздив к земле. Кто-то закрывает мне рот ладонью, и я тут же впиваюсь зубами ему в палец!

Громкое:

– СУЧКА! УКУСИЛА Б*ЯТЬ!

Хлопок. И щёку обожгло огнём.

– Потасили! – кричат. – Давай, поднимай сучку! В подвал потасили!

– Рыпается, тварь! Давай, хватай за ноги!

Брыкаюсь из последних сил, кричу, зову на помощь хрипло, почти беззвучно. Пелена из слёз застилает глаза, всё вокруг становится блеклым, серым, размазанным, похожим на старую чёрно-белую фотографию с плохим фокусом. А лютая, дикая, безудержная ненависть жжёт

сердце. Так сильно жжёт, что физически больно становится! Эта ненависть... она пожирает! К ублюдкам, что вот-вот меня изнасилуют! К городу, которому никогда не принять такую, как я! К собственному папаше, что бросил меня на произвол судьбы, предал, оставил! К недо-работнику этого чёртового кафе, за то, что лишил меня средства связи! За то, что вообще в моей жизни появился!!! Это из-за него!!! Всё это из-за него!!! НЕНАВИЖУ!!!

Хруст. Пронзительный вопль полный запредельной боли. Грохот. Какая-то возня. Снова хруст.

– Сууукааааа! Он мне нос сломаааааал!!!

– ДА ТЫ О*УЕЛ?!!

Воздух сотрясает череда ударов, вопли становятся громче, отчаяннее...

– Арчи! Твою мать, это Арчиииии...

– Пи*дец!!!

– Валим, пацаны! ВАЛИИИИИМ!!!

– Поднимай Вованааа!!!

– Да хер с ним!!! Валиииим!!!

Ритмичный стук ног раздаётся в следующий миг, и становится удивительно тихо.

Так хорошо... и так блаженно тихо.

И нескольких секунд не проходит, как что-то тёплое падает на плечи. Молния чьей-то мягкой, сухой, приятно пахнувшей куртки застёгивается на мне под самое горло и тёмное пятно появляется перед глазами... Двоится... троится... как парусник на волнах из стороны в сторону раскачивается. Моргаю... снова и снова моргаю, пытаюсь избавиться от пелены в глазах, пытаюсь сфокусировать зрение на своём спасителе, на этом самом Арчи, кем бы он ни был и...

– ТЫЫЫ?!! ПОШЁЛ К ЧЁРТУ! – визжу! Тут же вскакиваю на ноги и тут же об этом жалею; ведёт сторону, и я вновь оказываюсь сидящей на грязном разбитом асфальте. Слезы продолжают нещадно бежать по щекам, но живущая внутри ненависть вспыхивает с новой силой! С разрушительной силой!

– Не трогай меня!!! Не трогай меня, я сказала! Не прикасайся ко мне, урод!!! – воплю скрипучим, обессиленным, но хорошенько приправленным ядом голосом в лицо этому разрисованному мудаку из «Клевера», которое кажется мертвенно-непроницаемым, словно каменной маской застывшим.

Не обращая никакого внимания на мои вопли и проклятия, а также на сжатые в кулаки руки, что удалось просунуть в рукава куртки и сокрушить о Митину грудь, рывком подхватывает меня с асфальта, не роняя ни слова забрасывает себе на плечо, и будто не замечая череды сокрушающихся о его поясницу ударов, несёт меня куда-то... куда-то под дождь... куда-то, где я вновь могу разрыдаться в голос, и меня никто не услышит.

Глава 7

Печку на максимум, и уже через минуту запотевшие стёкла избавили меня от уродливого серого пейзажа утопающих в дождевой воде улиц этого города. Однако между мной и водителем старенькой серебристой «Ауди» стекла не было, и я пыталась смотреть куда угодно: на свои дрожащие руки, на рваные колготки и голые колени, на кивающую головой собачку над бардачком, – куда угодно, лишь бы не на Него! Лишь бы не на Митю! Стоит лишь единожды продемонстрировать, что водитель этого ржавого корыта, теперь является для меня кем-то большим (кем-то вроде спасителя, что ли), чем просто водителем ржавого корыта, и разговора не избежать. А я не могу говорить. Не хочу говорить. Не уверена, что даже способна на это. И уж тем более признавать в этом клоуне этого самого спасителя и благодарить за то, что не позволил уродам-наркоманам изнасиловать меня прямо посреди улицы, сейчас выше моих сил.

Я опустошена. Подавлена. Растоптана. Всё происходящее, кажется некой альтернативной реальностью! Кажется, что вот я ущипну себя и открою глаза уже дома – в своей кровати и желательно в Лос-Анджелесе! А всё это... ВСЁ ЭТО окажется самым что ни на есть жутким ночным кошмаром.

Меня чуть не изнасиловали... Меня чуть не изнасиловали!

Боже...

Щипаю себя снова и снова.

Не просыпаюсь.

Не помогает.

Это не сон. Это моя новая больная реальность.

«Смирись, Крис. Ты теперь законченная неудачница.»

Вдруг съезжает к обочине и глушит двигатель.

Ёжусь на сидении, мечтая превратиться в маленький невидимый комочек, но не сдерживаюсь и украдкой поглядываю на водителя.

На меня не смотрит – ровно перед собой в лобовое стекло, на котором танцуют косые струи проливного дождя, и не роняет ни слова.

Вечер опустился на город, один за другим неясными одувачниками вспыхивают фонари на мостовой вдаль, окна жилых домов раскрашиваются в тёплый жёлтый. На грозовом небе всё ещё рисуют кривые дорожки молнии, за которыми неминуемо следуют раскаты грома... То, что я сейчас испытываю напоминает ту же картину. Пусто, мрачно, больно... слишком громко... в голове, которую разрывает от мыслей, от пережитого ужаса, от злости и одновременно бессилия...

Чувствую себя жалкой школьницей... Той самой, кем по сути и являюсь.

Хочу, чтобы меня утешили, пожалели, поняли... Хочу и... и не могу себе этого позволить! Потому что утешать меня некому! Любить меня некому! Я теперь сама по себе.

– Ладно, пойдём, – говорит вдруг, и я вздрагиваю от неожиданности. Смотрю на профиль Мити огромными глазами и мой воспалённый мозг начинает выдавать жуткие картины, где он оказывается одним из тех уродов! А спас меня лишь для того, чтобы самому закончить начатое!

И он замечает это по моим перепуганным до смерти глазам...

– Совсем глупая, что ли? – фыркает, резко выдыхает, проводит рукой по своим мокрым волосам, и смягчается: – Я тебя в больницу привёз. Пойдём и...

– Никуда я не пойду! Со мной всё нормально! Пару ссадин и всё.

Замирает. Переводит на меня настороженный взгляд, а я в свою очередь пытаюсь выглядеть решительно. Но... судя по тому, как вновь меняется взгляд Мити, я выгляжу, как забывшийся в угол котёнок, который пытается казаться львом.

– Проверим всё ли с тобой в порядке, и я отвезу тебя домой, – говорит тихо и якобы с пониманием, а внутри меня опять всё бурлить начинает, закипает и толкает на то, чтобы сорвать всю злость, боль, от которой меня разрывает на части на нём одном! На парне, с которым я всего пару дней знакома, но уже ненавижу его всем своим естеством!

– Отвези сейчас. Я не пойду в больницу!

– Тебе нужно...

– Нет!

Замолкает. Настораживается, хмуря брови.

В салоне мрачно, однако я вижу, как недобро блестят его глаза. Он злится? На меня?

Кусаю нижнюю губу до привкуса крови на языке и мысленно приказываю слезам, что вновь жгут глаза, проваливать в седьмое пекло!

«Смирись, Крис! Ты одна всегда и во всём виновата! Лишь ты одна!»

Протягивает вдруг ко мне руку, и я резко отшатываюсь назад, вжимаясь лопатками в запотевшее стекло. Вижу, как неуверенность вперемешку с замешательством отпечатывается на его лице, рука замирает, так меня и не коснувшись, несколько раз вздрагивает в нерешительности и возвращается на руль.

Звучит шумный тяжёлый вздох, а я молча наблюдаю за действиями Мити. Я не доверяю ему. Я никому в этом мире не доверяю. И был бы у меня телефон, деньги и ясное солнышко над головой, я бы не задумываясь, уже давно выскочила из авто, а завтра отправилась бы в полицию писать заявление на них всех. И на этого типа напротив тоже.

– Я не обижу тебя, – тихо, проникновенно до самых моих заледеневших косточек, и в глаза смотрит... пристально, долго, внимательно. С пониманием? С сочувствием? С... виной?

Сглатываю горький ком подкативший к горлу, несколько раз трясую головой, и для чего-то кутаюсь в куртку Мити покрепче, словно она – мой персональный защитный кокон от всех ненастий.

– Это всё из-за тебя... – сверлю взглядом приборную панель, даже не моргаю. – Если бы ты... Если бы не ты... Если бы я только...

Впиваюсь зубами в дрожащую губу и вновь пытаюсь не разрыдаться. Только не перед ним. Не могу себе этого позволить. Не хочу.

– Не ходи туда больше, – шепчет, но приказным тоном. – Там одно быдло тусуется. Тебе повезло, что ещё не на самых отморозенных нарвалась.

– Как ты меня нашёл? – скрипуче, всё ещё прожигая взглядом приборную панель, где мне подмигивают зелёные огоньки.

– Видел в какую сторону ты пошла, – вздыхает. – Уж точно не в сторону дома. А город у нас маленький.

– И за мной попёрся? – резко перевожу на него взгляд полный недоверия и встречаюсь с двумя недобро прищуренными глазами. – С чего бы?

Выдерживает паузу и вновь вздыхает:

– Потому что знаю, что в той стороне.

– И что же?

– Сама видела.

– Бандитский район?

– Типа того.

– Похоже не понаслышке знаешь?

– Я там живу.

И теперь замолкаю я.

«И тебе там самое место», – добавить хочется, но сдерживаюсь.

– Какого чёрта тебя вообще в ту сторону понесло? – сердито, и откидывается затылком на подголовник, прикрывая глаза. А я продолжаю смотреть на его профиль неотрывно, взгля-

дом рисуя контур ровного носа, пухлых губ и словно из камня высеченного подбородка, и в собственных чувствах разобраться пытаюсь. Вроде бы и благодарна. Вроде бы и бесконечно зла. Не знаю. Подумаю над этим позже.

– Разбалованная малолетка, вот ты кто! – говорит вдруг, ударяя по рулю, и я решаю, что чёрт с ней – с благодарностью! С чего вообще ради?

– За что только на мою голову свалилась?! Ходячая проблема! – впивается мне в лицо сердитым взглядом. – Нравится тебе другим жизнь портить? Нравится всё усложнять? Нравится повышенное внимание, да? Плевать: любят тебя, или ненавидят, главное, чтобы равнодушных не было, я прав?! Неудивительно, что тебя все бросают и... – осекается, будто и сам понимая, что сказал лишнего, но смотрит на меня в лице не меняясь, словно реакции моей бурной ожидая. Протеста ожидая.

– С чего взял? – тихо шипя, как змея, что стоит мне больших усилий.

Молчать продолжает. Вновь волосы ерошит и отводит взгляд в сторону.

– Сама вчера сказала, – бросает небрежно. – Когда пьяную тебя домой вёз.

– М-м-м... – не знаю, что ответить. Потому что не помню ничего, но зарекаюсь, чёрт, что с этого дня больше ни капли алкоголя мне на язык не попадёт! И плевать на женский кодекс!

– Тебя отец бросил, – добавляет не глядя, а я молча наблюдаю за тем, как дёргается на его шее кадык, так что колючая лоза, что тянется к самому уху, будто на глазах оживает. – Парень тебя бросил. Может пора задуматься над тем, что проблема не в них, а...

– А во мне? – горько усмехаюсь. – По-твоему отец может бросить своего ребёнка просто потому, что тот характером не вышел?

– Нет, я не... я не это имел в виду, – встречается со мной глазами. – Я лишь пытаюсь сказать, что иногда нужно быть проще. У тебя ещё вся жизнь впереди и...

– А знаешь, что? – решительно перебиваю. – Хватит. Не хочу слушать.

Теперь усмехается Митя:

– И это твоя главная проблема!

– Ну и отлично! – Сжимаю челюсти и кулаки, пытаюсь не моргнуть, потому что стоит векам дёрнуться и по щекам покатятся предательские слёзы...

Почему я вообще должна ему что-либо объяснять?! Оправдывать себя должна? Просить прощение? Благодарить?! Серьёзно, что ли?!!

– Да я помочь пытаюсь!

– Да пошёл ты! – открываю дверь, позволяя дождю вновь ударить по лицу, как этот напыщенный индюк рывком хватает меня за куртку, затаскивает обратно в салон и, даже не захлопнув дверь, прижимает к своей груди.

Тихо. Тепло. Спокойно. Безопасно.

Остатки здравого смысла покинули меня?

Я сошла с ума? Сплю? Настолько морально уничтожена, что не хочу, чтобы Выскочка отпускал меня?.. Не хочу, чтобы отстранялся? Не хочу, чтобы оставлял меня одну?..

Как же давно меня никто не обнимал?..

– Прости, я не хотел, – шепчет на ухо, проводя ладонью по моим мокрым волосам. – Ты ещё ребёнок, а я опять забыл об этом. Если бы Алина не уговорила меня пойти за тобой... даже не знаю, чем бы это всё закончилось.

Алина?

Поднимаю на Митю полные слёз глаза и, пытаюсь держать эмоции под контролем после услышанного, словно это каким-то невозможным образом могло меня задеть, шепчу абсолютно бездушным, пустым голосом:

– Отвези меня домой. Пожалуйста.

***

Два дня прошло.

Два абсолютно бессмысленных, пустых дня моей Новой ужасной и катастрофически неправильной жизни.

Самое лучшее, что случилось со мной за последние сорок восемь часов, это два пластиковых ведра с пломбиром и новый сезон сериала «Сотня». Ах, да! Ещё нам провели интернет, – третье лучшее событие, что случилось со мной в этом городе.

Ну, а стоило выходным закончиться, и пришло время возвращаться в жестокую реальность моей беспросветной, убогой во всех смыслах этого слова, жизни.

Теперь у меня не осталось даже налички, что была выделена матерью. На вопрос «На что ты так всё быстро потратила?!», пришлось соврать и списать свою расточительность на Спра-салон, который, оказывается, в этом городе есть, о, хвала Интернету и Небесам! Однако выдать мне ещё пару тысяч мама категорически отказалась, так что теперь, как бы сложно ни было признать это, уровень моего нищebroдства приравнивается к помятой банкноте в пятьсот рублей, что я предусмотрительно запихнула в карман, а не в сумочку. И я молодец! Теперь хоть пирожок в школьном буфете будет за что купить.

Та самая... купюра, кочующая из моих рук в руки Выходки и обратно.

Смотреть на неё тошно.

А ещё куртка его в шкафу висит... вернуть надо как-то, хоть и уже в тысячный раз зареклась, что и ноги моей в «Клевере» больше не будет!

И самое ужасное – лицо его до сих пор перед глазами стоит... Вообще из головы не выходит! Как фотография... стоит моргнуть, и сразу его физиономию вижу! Как сейчас вижу... его взгляд... в тот вечер, когда древняя «Ауди» тормознула у моего подъезда, и Выходка взял меня за руку. Остановить пытался. Задержать пытался. Потому что времени, проведённого в пути, оказалось недостаточно, чтобы прочитать мне все запланированные нотации!

Он кто мне, вообще? Старший брат? Папочка? Тёфу! Не дай Бог!

«Будь осторожна, – сказал мне на полном серьёзе, крепко держа за руку, не позволяя сбежать. – Я не пытаюсь учить тебя, да и смысла в этом не вижу, ты слишком упрямая, чтобы слушать какого-то там выходку... Так ведь ты меня называешь?.. Я лишь пытаюсь дать тебе совет, потому что знаю этот город, как облупленный и твоё дело верить мне, или нет... Слушать меня, или нет... Но будь уверена хотя бы в том, что этот город под тебя подстраиваться не станет. Ты должна это сделать, иначе... тебе здесь попросту не выжить».

«Всё? – поинтересовалась равнодушно, глядя на него из-под тяжёлых, распухших век. – Если закончил делать вид, что тебе есть до этого какое-либо дело, то я пойду. Отпусти».

Долго на меня ещё смотрел, пристально. Аж вновь не по себе стало, словно рентгеном по телу.

А затем отпустил. Сказав напоследок:

«Да, ты не глупая. Ты обиженная. На весь мир».

«Думай, что хочешь.»

Усмехнулся, стрельнув в меня колючим взглядом:

«Ты хоть кого-нибудь в этой жизни любишь, кроме себя?»

«А смысл? – с горечью усмехнулась в ответ. – Все однажды предают. Любить не модно. Только если в ущерб себе».

И стоило мне хлопнуть дверь, авто с визгом шин рвануло с места.

Глава 8

– Боже... Криииис, это просто ужасно! Всё это... так ужасно! У меня мигрень который день, а тут ещё и... ЭТО, – причитает мама, отстукивая двенадцатисантиметровыми каблуками своих бархатных сапожек по мрачному коридору второго этажа моей расчудеснейшей новой школы. – Эти стены... Этот цвет... Он вообще разрешён законом?..

– Мг... – мычу, глядя перед собой.

Только что мы были в кабинете директора, на ковёр к которому нас пригласила милейшая Раиса Павловна, и тот, судя по закручивающимся в рогалик усам, раскрасневшемуся лицу и прищуренным, донельзя недовольным глазёнкам, был настроен серьёзно, собираясь отчитать новую ученицу по всем пунктам. Так, как того требует устав школы, о котором мне Раиса Павловна уже все уши прожужжать успела. Вот же неудовлетворённая по жизни баба! Мужика ей надо! Да поскорее! А то нашла отдушину в том, чтобы отчитывать бедных подростков по причине и без. Сегодня утром лично видела, как она в холле первого этажа поучала девятиклассницу за то, что та в блондинку перекрасилась, типа это вульгарно, да и вообще ей не к лицу.

Вот мырма. Не к лицу носить плотные тёмно-коричневые колготки в сочетании с белыми туфлями-лодочками! Вот это – настоящее преступление против моды.

Так вот, вернёмся к Роману Андреевичу – нашему низкорослому, худощавому, но не лишенному своеобразного очарования директору школы. Лет сорок, – не больше, любит костюмчики в стиле «От выпускного и до могилы», густой хаер волосок к волоску назад зачёсывает, всегда гладко выбрит, а ещё не женат. И поняла я это даже раньше, чем отсутствие кольца на безымянном пальце заметила... Его реакция на мою маму-красотку стала неопровержимым доказательством, – холост, свободен, молод в душе.

Бедолага так растерялся, что даже фамилию мою забыл. А о чём разговор вести собирався, забыл и подавно. В общем, пришлось постоять в сторонке, разглядывая обширную коллекцию кактусов на настенной полке, позволяя этим двоим вдоволь наговориться... А теперь вот иду рядом с мамой и слушаю, какого же уродливого цвета в этой школе стены.

– А где у вас шкафчики?

– Здесь нет шкафчиков.

– Как нет шкафчиков?! – изумлённо.

Боже...

– Дай сорок тысяч, – как-то само собой изо рта вырвалось, ну и не запикивать же обратно.

Мама выдерживает паузу, видимо решая: послышалось, или нет, и чтобы наверняка убедиться, что проблема не в плохом слухе, просит повторить.

Тяжело вздыхая, глядя исключительно перед собой, и ещё мрачнее говорю:

– Мне нужно сорок тысяч. Не долларов. Тебе жалко, что ли?

– Кристина! – взвизгивает так, что наверняка во всех кабинетах второго этажа слышно, где уже вовсю идёт первый урок. – Ты попала на деньги?

– Что? – фыркаю, останавливаясь. – Ты вообще моя мать, или как?!

– Ну... да.

– Тогда как можешь такое обо мне думать?! – со всем возмущением. Хотя... блин, а она ведь права. Я, выходит, реально на бабки попала.

В общем, договориться не выходит.

«Денег нет, и разговора нет!»

Как и сумочки моей больше нет, как и Айфоши нет, налички нет, даже сим-карты и той больше нет!

Я безнадёжна.

Зато на руках и коленях есть ссадины, которых моя дорогая мать даже не заметила до сих пор. А ещё копчик болит... Надо бы в травмпункт сходить...

А ещё у меня с некоторых пор появились чудесные, великодушные одноклассники, которые, стоило войти в класс, встретили меня дружным свистом и улюлюканьем. И только Женя, с которой случайно вышло пересечься взглядами, глядела на меня с сочувствием. Что ещё хуже. Лучше бы я не видела этого.

На обед в столовую идти даже и не думала, – сразу отправилась в кабинет истории. По дороге туда меня и выловила Раиса Павловна (О Боги!), которая видимо жучок на меня каким-то образом прикрепила, чтобы отслеживать все передвижения; стоит ноге ступить не в ту сторону, и она мчится ко мне как долбаный мотылёк на свет.

– Это лист с перечнем внешкольных занятий, – протянула мне какую-то распечатку. – Мы с Романом Андреевичем посоветовались и решили, что в наказание за пропуски и наплевательское отношение к учёбе, стоит приобщить тебя к...

– Пропуски? Наплевательское отношение? – перебиваю. – Вы когда это понять успели? Ничего что я всего-то здесь несколько дней учусь?!

Поджимает губы и с укором глаза сужает:

– Попрошу тебя не повышать голос на завуча, Кристина. – И себе под нос добавляет: – Ну, что за воспитание?..

Выхватываю распечатку у неё из рук и впиваюсь в чёрные буквы взглядом.

– Считаю это факультативом, – добавляет с нажимом Мымра. – Два. Ты должна выбрать два факультатива. Судя по твоим оценкам в прошлой школе, советую выбрать математику и...

– Что? «Горим», да? – перебиваю, глядя в листок. – Скоро конец месяца, проверки и всё такое... Отчёт о посещаемости сдавать надо? Ладно! – не даю Мымре и пяти копеек вставить. – Музыка и Волейбол!

– Но «музыка» – это скорее кружок и...

– Вы сказали выбрать два пункта из всего перечня. Я выбрала. Спасибо. Хорошего дня. – Запихиваю распечатку в сумочку и продолжаю топтать по коридору.

– Хорошо! Но ты обязана их посещать! – кричит в спину.

***

– Ты не обязана их посещать, – с полным отсутствием какого-либо выражения на лице, Женя пробегается взглядом по перечню факультативных занятий и одновременно грызёт кончик карандаша. – Это кружки, – усмехаясь, взгляд на меня поднимает. – И их посещение – дело добровольное.

– Разве? – скептически выгибаю бровь, поглядывая на Женю, которая по какой-то непонятной причине решила разделить со мной одну парту на уроке истории. – Но... в Штатах дополнительные занятия – обязательство каждого ученика.

– Ага, но ты не в Штатах. Забыла? – улыбается, возвращая мне распечатку. – Тут скорее это принуждением пахнет.

– Или наказанием, – фыркаю, открывая учебник по истории на середине и просто, чтобы хоть чем-нибудь занять руки принимаюсь листать страницы. – Не буду ходить на них, отчислят на фиг. Может оно и к лучшему?

– Не-не-не! У нас на весь город всего три школы, и поверь на слово: ты не хочешь побывать в двух оставшихся!

Хм. Есть школы хуже этой?..

Женя всё не уходит. Видимо даже не собирается, потому что вот уже и звонок звенит, а она по-прежнему сидит рядом со мной. От её фланелевого сарафана малинового цвета уже реально рябит в глазах. А волосы?.. Боже... ну кто сейчас носит две рыжие тугие косички с бантиками? Она что, первый раз в первый класс пришла?

– Что у тебя с руками?

– А? – поворачиваю к ней голову и тут же спохватываюсь; смотрю на подсыхающую корочку на костяшках пальцев, кожу на которых содрала, будучи прижатой к асфальту.

– Побила кого, чтоль?

– Да. Нет. Вроде того, – прячу руки под парту.

– Я на музыку тоже, кстати, хожу, – переводит тему Женя, вновь улыбку мне широкую адресуя, и я только сейчас замечаю две глубокие ямочки на веснушчатых щеках. Мило. – Туда вообще половина школы ходит. Даже дополнительные часы директор выделил.

– Все такие фанаты музыки?

– Неее... – хрюкающе усмехается. – Все на учителя поглазеть приходят. Точнее, – почти все. Я музыку и вправду люблю.

– Что ж там за учитель такой? – откинувшись на спинку стула, незаинтересованным голосом протягиваю. Был бы в этой школе хоть один стоящий мужик, уж я бы сразу заметила.

– Ну, он не совсем учитель, – пожимает плечами Женя. – Точнее, в состав школьных педагогов не входит. Он просто кружок музыкальный ведёт по вечерам. Училке музыки уже под семьдесят, и кроме «Крылатых качелей» от неё ничего не услышишь, так что... Актный зал есть, инструменты кое-какие тоже есть, вот директор и дал добро. Вроде как, повышение духовного развития учащихся и бла-бла-бла.

– И на чём играешь?

– А? Я? – И смущённо: – На гитаре. На акустической.

– Ммм... круто.

– Ой, спасиииибо. Сегодня вечером занятие будет. Приходи обязательно! Тебе понравится!

О, да.

Понравится.

Только не в этой жизни.

И только не в этой школе.

***

И только не с этим учителем!

Вот теперь, пожалуй, стоит серьёзно задуматься над тем, какой такой великий грех я совершила в прошлой жизни, что приходится так сильно расплачиваться за него в этой?..

Или же я попросту проклята?.. Может талисман от сглаза прикупить, или бабку-колдунью поискать?..

Что ещё мне делать остаётся?!

Как всё это называется?!

Судьба? Карма?! Нет, – точно проклятие!

Пять часов вечера. Небольшой актный зал в совдеповском стиле встречает меня приглушённым жёлтым светом, несколькими рядами кресел в пошарпанных велюровых обивках вишнёвого цвета, старым потёртым паркетом под ногами, и несколькими десятками разукрашенных а-ля «Вырви глаз» женских физиономий, что, стоило тяжёлой скрипучей двери сообщить о моём визите, тут же обратились ко мне. Все до единой! Глаза сощурили и так внимательно смотрят, настороженно, будто я – самка из другой стаи, их единственного здорового самца отбивать пришла.

А вот собственно и самец.

Умереть и больше не вставать. Никогда.

Высочка, замерев на маленькой полукруглой сцене, смотрит на меня, высоко вскинув брови, явно пребывая в не меньшем замешательстве, чем я. Практически сдутые цветные

шарики, и плакат с поздравлением ко дню учителя служат его высокой фигуре, облачённой в выдавшего виды джинсы и свободную серую футболку, катастрофично нелепым фоном.

Вижу, как медленно выдыхает, так и не сводя глаз с застывшей в проходе меня, и... чёрт... ненавижу... пробегаются мало заинтересованным взглядом по моей фигуре, и будто в первые в жизни меня видя, расслабленно интересуется:

– Новенькая?

«Нет. Твоя смерть», – крутится в голове. Не могу язык от нёба отлепить, не могу даже глаз своих стеклянных от лица Выходки оторвать. С места сдвинуться не могу, даже вдох полной грудью сделать не выходит...

Я проклята.

Я точно проклята!

Господи, за что?

– Ой, Америкоска наша припёрлась, – с какого-то ряда раздаётся знакомый женский голос с хрипотцой, и я заставляю себя оторвать взгляд от лица Мити, и найти это мерзкое подобие девушки в одном из кресел.

Ну-ну... Жанна.

«Ну, привет. Оуч, ты накрасилась? У тебя есть косметика? Да ещё и подобие юбки есть?.. Ну всё, улёт!»

– Чё пялишься, принцесска? – рявкает в ответ на мой излишне долгий и пристальный взгляд Жанна. – Вали давай, дверью ошиблась.

– Проходи, – звучит со сцены спокойный, но твёрдый голос Мити. – Занимай любое из свободных кресел.

Мычу себе под нос что-то несвязное и опускаюсь в ближайшее к выходу из этого Ада кресло.

– Можно и ближе сесть, – комментирует «Сатана». – Мы не кусаемся.

«Ну-ну», – поджимаю губы, и нахожу куда более занимательным занятием разглядывание инструментов в углу зала. Старенькая электрогитара, барабанная установка, акустика, сплошь разрисованная цветными маркерами, бас-гитара, что с виду ровесница моего умершего деда, фоно... и... Скрипка, судя по чехлу?

– ... да, именно так Дмитрий Александрович. Америкоска всегда такая. Та ещё стерва. Считает нас кем-то вроде крыс под её ногами.

«Кем-то вроде тараканов, – отвечаю Жанне мысленно. – Их можно топтать. А крыс я боюсь».

Чувствую, как его величество *Сатана Дмитрий Александрович* со своего трона прожигает меня взглядом, но предпочитаю игнорировать его и теперь разглядываю свои ногти. Боже... как же давно я на маникюре не была...

– ... ага, да. Ей Раиса Павловна ультиматум поставила... – доносят черти, друг друга перебивая.

– Не успела в новую школу прийти, а уже вопрос об отчислении стоит...

– Ага. Точно. Выдра.

Слушаю этот змеиный гадюшник одним ухом и вообще ничего не испытываю, даже злиться не хочется. Пусть хоть подавятся своими языками грязными, я выше того, чтобы вступать в спор с какими-то там склочными дурами.

– Тупая, избалованная америкоска!

– Ни мозгов, ни вкуса!

А вот это обидно.

– Пришла и воздух испортила! Дышать теперь невозможно! Сколько ты на себя духов вылила?!

– Эй, вали давай отсюда! Слышь?

– Ты нам заниматься мешаешь!

Чего?.. Я вообще молчу.

– Но она ведь ничего не сделала!!! – выкрикивает рыжеволосая Женя, и я невольно поднимаю на неё глаза. – Чего накинудись на неё? Она... она просто... просто пришла...

– Заткнись, Карасева! – рявкает Жанна.

– Варежку закрой, или хочешь к принцесске пересесть?! – поддакивает ей кто-то.

И Женя сдувается. Замолкает. Садится на место и с красным, как помидор, лицом пялится себе под ноги.

Спасибо, Женя. Ты пыталась.

– Закончили?! – мужской голос, что вдруг проносится по залу и мгновенно закрывает рты всем истеричным сукам, кажется не знакомым, чужим и... властным, сильным, авторитетным. Это что... Высочка так говорить умеет? Пфффф...

– Простите, Дмитрий Александрович...

– Простите...

– *Дмитрий Александрович*, – почти беззвучно бурчу себе под нос с насмешкой, и будто тот смог услышать тут же впивается мне в лицо острым взглядом.

«Что-то не так»? – в ответ говорит ему мой взгляд.

И вот буквально на секунду, на мимолётную и едва уловимую, замечаю, как напрягаются его челюсти, а зубы наверняка скрипят от недовольства, но... Надо отдать должное Мистеру-учителю, – лишнего себе не позволяет, и вот уже снова спокоен и рассудителен.

– Любой, кто ещё выскажется не по теме музыки, сразу окажется за дверь. Ясно? – обводит строгим взглядом своих *учеников*, и на мне намеренно взгляд задерживает. – Ясно?! – повторяет требовательно.

Это он мне?..

Да что не так с этой школой?

Я за последние десять минут и слова не сказала!

Вытаскиваю из сумочки iPod, наушники в уши, делаю звук погромче, откидываюсь затылком на спинку кресла и прикрываю глаза. Всё, что мне нужно сделать – это отсидеть здесь полтора часа. Участвовать в разговоре и не подумаю даже.

Помню ещё, как мысленно подпевала «Green Day», а затем сама того не желая уснула. А когда проснулась...

– Выспалась? – Физиономия Высочки оказалась так близко, что я от неожиданности аж на месте подпрыгнула и издала такой странный звук, что при большом желании повторить не смогу.

Тряхнула головой, выпрямила спину и с невозмутимым видом прочистила горло, отодвигаясь подальше от наглеца в соседнем кресле.

– Всё уже? – сквозь щёлочки заспанных глаз оглядела помещение. Пусто. За окнами непроглядная тьма. В актовом зале, кроме нас двоих, ни души.

– Минут двадцать, как всё уже.

– А чего не разбудил?

– Так я и разбудил, – губы трогает лёгкая улыбка, а я почему-то дольше необходимого задерживаю на них взгляд и тут же себя мысленно одёргиваю.

– Мне жаль, – говорит вдруг, и теперь я смотрю на него, как на идиота.

Кивает на мой iPod и...

– Твоюю мать, – выдыхаю обречённо и вытаскиваю из ушей наушники, в которых царит абсолютная тишина, потому что провод... Какая-то тварь порезала провод моих наушников!

– Я не знаю, кто это сделал и когда. За всеми не уследишь, – будто из-под воды до моего сознания доносится голос Высочки.

– А я знаю кто, – отвечаю не сразу, пугающе тихим, озлобленным голосом и смиряю Митю обвинительным взглядом. – Это сделал тот, кто притащил на урок музыки ножницы!

– Скорее всего, маникюрные.

– Да плевать! А если бы она мне ими глотку перерезала?

Усмехается. Устало вздыхает, проводит рукой по волосам, взлохмачивая их ещё больше, и смотрит на меня с сожалением:

– Я узнаю, кто это сделал. Даю слово.

– Мужикоподобная Жанна, кто ж ещё!

– Кто-кто? – ещё веселее усмехается. – Слушай, я...

– Хреновый из тебя учитель! – перебиваю, и брови Мити лезут на лоб:

– Хреновый потому, что не следил за тобой ежесекундно? Я тебе кто – хранитель снов?

Это всего лишь наушники. Вставай, мне нужно закрыть зал.

Охренеть...

– А если бы меня пырнули тут?..

– Сказал же: разберусь! – раздражённо. – Поднимайся, – встаёт на ноги и меня следом поднимает. – Я отвезу тебя домой.

Ха.

– А может, сразу переедешь ко мне? Чего тянуть?

– Что? – хмурится.

А я глаза закатываю:

– Тебя и так стало слишком много в моей жизни. И машины твоей. Избавь от удовольствия, – запикиваю в сумочку iPod, разрезанные надвое наушники и направляюсь к двери.

– Ты либо отчаянная настолько, – звучит в спину, – либо больная на всю голову!

Замираю, но и не думаю оборачиваться. Слушаю.

– На улице темно, – это, во-первых. Во-вторых, если с тобой что-нибудь случится по дороге домой, я не хочу быть за это ответственным. А учитывая твои сверх способности находить проблемы на свою задницу, отпусти я тебя и ответственности точно не избежать. Ну, а в-третьих, – оказывается лицом к лицу со мной, выдерживает паузу и смягчившись добавляет: – Мне нужна моя крутка. Я в ней права оставил.

– А если увидит кто? – интересуюсь скользко. – Или у вас в городе считается нормой, когда ученица садится в тачку к своему учителю?

Губы в улыбке повеселённой кривит, складывает руки на груди и глазами своими дьявольскими сверкает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.